

Время перемен

Александр Мазин

Время перемен

«Автор»

Мазин А. В.

Время перемен / А. В. Мазин — «Автор», — (Время перемен)

Артем Грива, бывший сотрудник Департамента внешней разведки Российской империи, теперь – сотрудник международного комитета по пресечению запрещенных научных исследований. Во время обычной полевой операции – зачистке одного из секретных научных центров Пентагона, Артем Грива сталкивается с существом, контакт с которым был смертелен для любого человека. Но Артем выжил...

© Мазин А. В.

© Автор

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	20
Глава четвертая	25
Глава пятая	27
Глава шестая	34
Глава седьмая	37
Глава восьмая	46
Глава девятая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Мазин

Время перемен

Глава первая

ОБЫЧНАЯ ПОЛЕВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Бугристая, как спина крокодила, земля грела ладони остатками дневного тепла. Петляя, словно ящерица, между вросшими в грунт камнями, Артём проворно полз вперед, ориентируясь главным образом на камуфляжные штаны, пузырящиеся над поджарым задом Юджина О'Тулла. Детекторы Артёмова ноктовизора¹ работали в противофазе с модулятором защитной окраски, поэтому вышеупомянутые штаны на общем серебристо-сером фоне горели алым сатанинским огнем.

До западной оконечности объекта, или, выражаясь более поэтично, до обглоданной ветрами стены древнего форта, оставалось километра полтора. В основном – ползком.

Запах сухой травы раздражал ноздри даже сквозь фильтрующую ткань. Стоило поднять голову повыше – и теплый океанский бриз тут же наполнил бы легкие свежестью. Но поднимать голову было нежелательно. Конечно, где-то в звездном небе висел оперативно-тактический спутник прикрытия, которому полагалось обходить вокруг пальца системы обнаружения противника. Но те, кто полагался исключительно на технику, шли в аналитики, а «полевики» вроде Артёма Гривы и старины Юджина на технику не полагались. Они ее использовали.

Черная туша крепости, похожая сверху на раздавленную морскую звезду, затеняла половину залива. И господствовала над ним. Первоначально аналитики «Алладина» планировали атаку из воды, со стороны океана, но когда пришли данные глубинного сканирования, от этой идеи пришлось отказаться. Залив был не только нашпигован сторожевой техникой, но и постоянно патрулировался обученными касатками, которых обмануть было куда сложнее, чем Ай-Пи² охранной системы. Таким образом сводилась к нулю возможность обеспечения внезапности, а следовательно, и вся операция становилась бессмысленной. Если не захватить противника врасплох, он успеет уничтожить все улики и наработки. Тогда единственным результатом акции станет вой проплаченных СМИ «о бесчинствах спецподразделений Всемирного комитета по выявлению и пресечению несанкционированных научных исследований (так официально именовался „Алладин“) на территории, принадлежащей международному концерну». И поди докажи, что финансируется концерн из бюджета ЦРУ, а охраняют его неприкосновенную территорию перекупленные контрактники US Army. На шумиху плевать. Авторитета у «Алладина» не убавится. А вот не прищемить хвост ЦРУ и не получить бонус в политической мировой игре – это обидно. Но еще обиднее потерять наработки преступной лаборатории. Если после силовой акции по пресечению несанкционированных научных исследований результаты этих исследований не сливаются в архивы «Алладина», операция считается проваленной. Вот почему более простой вариант выхода на объект со стороны Тихого океана с последующим проникновением через систему промышленного стока был отвергнут и решено было остановиться на штурме с суши. Причем первая штурмовая группа состояла всего из двух человек: капитана Артёма Гривы и майора Юджина О'Тулла по прозвищу Ирландец.

¹ Прибор ночного видения.

² Искусственный интеллект.

Работа парами была обычной практикой в «Алладине». Еще с тех времен, когда эта организация называлась иначе, занималась не учеными-преступниками, а террористами, но уже освоила схему «проникновение – информационный перехват – зачистка».

Предполагалось, что спутник прикрытия способен с вероятностью девяносто девять процентов упрятать двух человек (для троих – уже не девяносто девять, а восемьдесят четыре процента) от сканирующих систем противника. Предполагалось...

Собственно, ни Грива, ни О'Тулл, ни специальный координатор Хокусай, ни приданная «полевикам» группа аналитиков не ожидали особых сюрпризов. Это была типичная полевая операция регионального подразделения службы «Алладин». Стандартная силовая акция по проверке информации, поступившей двадцать шесть часов назад от основной информационной системы Комитета в аналитический отдел. Там в кратчайшие сроки (рассусоливать в «Алладине» не принято – ставки слишком высоки) информацию проверили и подтвердили. Еще сутки – на разработку и подготовку акции, и вот уже два офицера-«полевики» ползут по жесткой, как камень, земле к форту, под стенами которого полторы сотни лет катятся длинные океанские волны.

Маленькая рощица, кучка низкорослых, привычных к зимним штормовым ветрам деревьев, позволила Артёму и Юджину ненадолго подняться на ноги. Их защитные комбинезоны, избирательно поглощающие и дробящие восемь типов излучения, превращали силуэты людей в разрозненные наборы серых и черных пятен, неразличимых на фоне листвы. Однако роща скоро кончилась, и пришлось опять ползти на брюхе.

В левом верхнем углу окуляра ноктовизора Гривы рядом с зеленой загорелась фиолетовая точка. Это означало, что помимо визуальных и электромагнитных анализаторов в защитный периметр объекта входят и объемные детекторы. Ну с этим «Головастый» как-нибудь управится.

О'Тулл сбавил темп. Теперь он полз змеиным зигзагом, и Артём в точности повторял его траекторию. Карту минных закладок он заучивать не стал, полагаясь на напарника. Обошлось без проблем. Как и раньше.

Проскользнув по руслу высохшего ручья под нитками проволоки, Артём и Юджин оказались у подножия крепости. Здесь никаких особых сюрпризов не предполагалось, поэтому, надев рукавицы, поверхность которых была усеяна крохотными, но очень «цепкими» крючками, офицеры «Алладина», аки два средневековых ниндзя, полезли вверх – и через несколько минут оказались на гребне десятиметровой стены. Крепость закладывалась в девятнадцатом веке, и ширины стены, после того как стесали оборонительные зубцы, хватило бы для посадки стандартной российской вертушки производства Львовского завода гражданских машин. Однако сажать здесь вертушку этого не стоило. Воздух над стеной пронизывали десятки лазерных «нитей», через паутину которых не то что вертушка – майский жук не пролетел бы. Тем не менее ровно через шесть секунд после того, как напарники оказались на гребне, в лазерной сетке образовался несанкционированный проход. Артём и Ирландец закрепили веревки и соскользнули вниз. Когда аппаратура спутника зафиксировала их соприкосновение с камнями внутреннего двора, проход исчез.

Зато появились собаки. Три здоровенных пса внезапно и совершенно бесшумно возникли рядом с незваными гостями. Грива увидел под нижней челюстью ближайшего пса хоботок контактного разрядника. Это было неприятно. Импульс разрядника мог повредить «интеллекту» комбинезона. Псы не лаяли. Их приучали не лаять. Датчики на ошейниках достаточно чутко реагировали на перемены собачьего настроения и немедленно сообщали об этих изменениях на контрольную панель. Псов приучили атаковать не сразу, а только в том случае, если двуногие сторожа в течение тридцати секунд не отреагируют на сигнал тревоги. Но на сей раз сигнал был перехвачен и блокирован, а боевое настроение собак исчезло, как только свисток в зубах Ирландца выдал первую трель. Человеческое ухо ее не услышало бы, но для собачьего

она прозвучало так же внушительно, как львиный рык – для домашней козы. Взвизгнув, три натасканных на задержание чудовища отпрянули назад и, развернувшись, цокая когтями по булыжникам, умчались во тьму.

Вероятно, на этой фазе спутник все-таки дал сбой, и на терминале охраны что-то отразилось. В приземистом здании неподалеку распахнулась дверь, и оттуда выглянул охранник с прибором ночного видения на физиономии. Юджин и Артём мгновенно упали на мостовую, а еще через мгновение осененный вдохновением Грива встал на четвереньки, сделал несколько шагов и опять улегся. Он очень надеялся, что «мозг» спутника «сообразит» трансформировать его образ в собачий. Пользуясь охранник собственными глазами, номер бы не прошел. Но ноктовизор – всего лишь примитивная электроника. Спутник не подкачал. Повертев головой, охранник убрался.

Показав Артёму большой палец, Юджин нырнул под окно караулки. Грива подскочил к дверям и направил сканер на электронный замок. Секунда – и код нащупан. Замок негромко вжикнул, и дверь на пару миллиметров отошла в сторону. Артём приник лбом к щели, и очки выпустили щупик световода с крохотным объективом. Грива увидел средних размеров комнату с терминалом и трех парней в стандартной китайской «бронь» второго уровня. Один охранник скучал за консолью терминала, второй глазел шоу по галю, третий, тот, что выглядывал за дверь, разогревал в микроволновке какую-то жратву. Артём оттопырил три пальца, ткнул себя в грудь, указал на окно и изобразил взрыв. Ирландец кивнул. Для скрытных переговоров они могли бы воспользоваться спутником, но языка жестов оказалось достаточно.

Охранник открыл микроволновку и позвал сидящего за терминалом. Тот встал, лениво потянулся, шагнул к столу...

Артём махнул рукой, и Ирландец с размаху ударил локтем в стекло. Все трое охранников разом повернулись к окну... Грива зажмурился. Это была команда на отключение объективов ноктовизора. Хлопок – сработала световая граната, Артём открыл глаза и толчком распахнул дверь. Как обычно, он успел лишь к шапочному разбору. О'Тулл уже «санировал» помещение, всадив в каждого из ослепленных охранников по шоковой стрелке. Артём бросился в терминалу и воткнул в свободный порт разъем дистанционки, открывая «Головастому» прямую дорожку к местным охранным системам. Всё, игра пошла в открытую. Если начальник охраны не дурак, а есть все основания считать именно так, сейчас во всех боевых подразделениях забьют колокола и десятки крепких ребят разбегутся в разных направлениях. И очень скоро большая часть этих парней вломится сюда. Если, конечно, «Головастый» не исхитрится запудрить им мозги.

Юджин и Артём переглянулись и одновременно бросились ко второй двери. За ней обнаружился коридор. О'Тулл сменил гуманный парализатор на автомат-бесшумку. Артём тоже сунул парализатор в кобуру и извлек «универсальную отмычку» – «звуковой» пистолет-резонатор. Выстрел – кусок ближайшей двери вместе с замком превращается в рыхлую массу. Пинок, дверь распахивается, внутрь летит серебристый шарик замораживающей гранаты. Негромкий хлопок. Следующая дверь. Выстрел-пинок-граната. Выстрел-пинок-граната...

Коридор кончился. Еще дверь. Выстрел, пинок, Артём падает на пол (за спиной синхронно падает Юджин), полосует наугад, пока не истощается импульс, ныряет вбок, уступая первенство О'Тулли. Что-то звенит, трещит, рушится, кто-то кричит... С той стороны в разгромленную комнату врывается целая толпа головорезов и с ходу начинает поливать минимум из дюжины стволов. Грива приседает, прячется за стальной тумбой, которая гремит и сотрясается от попаданий. Со своей позиции он видит, как Юджин, легко, будто танцуя, но очень-очень быстро, перемещается вдоль стены, сосредоточенный огонь охранников безжалостно крошит эту самую стену, но не успевает за «алладиновцем», а тот, стреляя одиночными, аккуратно, только в лицо, кладет одного противника за другим.

На пистолете загорается зеленый сигнал. Кристалл-накопитель готов генерировать боевой импульс. Артём выпрямляется и быстро прочерчивает смертоносный пунктир на уровне груди нападающих. Для звукового импульса бронепрокладки «двойки» не помеха: пластик и керамика крошатся в труху, а плоть превращается в желе.

Всё. Звонящая тишина. Кровь на стенах. Истекающий раствором дисплей, дымящиеся осколки, простроченные пулями стены, мертвые тела... Ничего такого, ради чего стоило бы задержаться.

Юджин поднимает палец, и Артём первым выскакивает во вторую дверь. Выскакивает и сразу падает ничком, О'Тулл перепрыгивает через него... И негромко свистит. Чисто.

Внутренний двор. Кольца фонарей. Фонари пульсируют вспышками. Это спутник трудится. Хаотичное мерцание не даст непривычному человеку сделать прицельный выстрел. Это даже лучше, чем темнота: обычные ноктовизоры бесполезны. Посреди двора – опрокинувшийся куб китайского боевого робота – гусеницы месят воздух, щелкают шторы амбразур, но робот уже «дохлый». Это тоже спутник. Большая удача, что «Головастый» сумел подобрать или скачать откуда-то коды доступа. Такие роботы полностью автономны и «держат» даже концентрированный электромагнитный импульс. А огневая мощь, защита и быстрота – покруче, чем у штурмового танка. Через робота мы бы не прошли.

Внутренний двор форта – «колодец» с четырьмя выходами. Тот, через который «алладиновцы» проникли внутрь, открыт, остальные заперты. Это не двери, а мощные бронешиты. По замыслу тех, кто планировал оборону, для прорвавшихся двор моментально превращается в клетку с практически неуязвимым роботом внутри. Такой вот сюрприз.

Юджин тычет пальцем вверх. Артём задирает голову – там труба с экранирующей оплеткой. Взмах – трос с утяжелителем взлетает вверх и падает по другую сторону. Артём карабкается вверх, Юджин, он тяжелее на десять кило, тянет с другой стороны. Затем, балансируя на десятидюймовой трубе, тянет Грива. Труба гнется, но выдерживает. Есть! Оба наверху. Теперь бегом через внутренний двор к основному зданию. Труба ныряет в древнюю стену, но метрах в четырех – окно. Не средневековая бойница-щель, а настоящее, в полный рост.

– Я,– говорит О'Тулл, цепляет к поясу карабин и переползает на стену.

Артём ждет. Если напарник сорвется, он прыгнет с другой стороны трубы и амортизирует падение. Если труба не выдержит, тоже не страшно. Высота плевая, метра четыре.

Прыгать не приходится. Напарник благополучно добирается до окна, цепляет трос, кивает Артёму.

Через полминуты они стоят рядом на узком подоконнике и смотрят, как маленький взъерошенный человек, надсаживаясь, орет в микрофон, одновременно колотя всеми десятью пальцами по сенсорам клавиатуры...

Юджин резко нажимает на стекло. Выпав из рамы, оно с нежным звоном ударяется об пол, но не разбивается, а только покрывается сеточкой трещин.

Взъерошенный человек оборачивается на звук, выпучивает глаза и роняет на грудь покрытую черной щетиной челюсть...

Алладиновские штурмовики в полной боевой экипировке – зрелище не для слабонервных.

Грива и О'Тулл уже внутри.

– Давай,– Юджин небрежным движением смахивает взъерошенного на пол. Артём садится на его место и лезет в компьютер. О'Тулл тем временем шурует в «портах», подключая дистанционку.

Дальше всё раскручивается по стандартной схеме. Электронный мозг спутника, до этого момента действовавший полуавтономно, открывает главный канал связи с Головастым, глав-

ной компьютерной системой «Алладина», и совокупная мощь его информационно-управляющих массивов вливается в информационную систему базы, в доли секунды сметает все защитные барьеры, возведенные местными программерами, и начинается потрошение.

Но момент истины еще не наступил.

Свет в помещении слегка тускнеет, и тут же в центре комнаты возникает человек. Юджин стреляет на рефлекс, не глядя. Пуля, взвизгнув, разносит дверцу шкафа. Человек не настоящий. Голографический фантом. Вторая пуля, посланная О'Туллом уже более осмысленно, разбивает визор голографа.

– Зря,– флегматично роняет Артём.

– Эй, парень! – взвизгивает голограмма по-испански.– Я тебя не вижу!

– Зачем стрелял? – ухмыляется Грива.– Человека расстроил.

– Это не человек,– равнодушно роняет О'Тулл.– Это преступник.

«Преступник», толстый субъект с бизоньим загривком и устрашающим плугом носа, нервно огладив плешь, вытягивает руку за пределы видеоконуса, что-то с остервенением дергает. При этом нижняя губа субъекта обиженно выпячивается.

– Пако! – орет он.– Что ты там болтаешь? У нас пожар, Пако! Мудрила спятил и обес-точил защиту!

Визор голографа был разбит, но микрофон, вероятно, уцелел.

Юджин громко высвистывает три такта из «Тореадора».

Толстяк багровеет.

– Если ты, педрила, мигом не подключишь автономку, нам хана!

Юджин хохочет.

– Интересно, у всех рыжих такое извращенное чувство юмора? – интересуется Артём.

– Нет, только у ирландцев,– сообщает напарник.

О'Тулл подходит к выбитому окну, осторожно выглядывает, но ничего существенного не обнаруживает.– Вот возьми, например, рыжего Кошица из подразделения Раджи,– говорит он.– У Кошица вообще чувства юмора нет.

– Что ты там болтаешь, Пако? – истерически вопит толстяк.– Кто там у тебя? Ну-ка покажись!

По коридору кто-то несется с топотом. О'Тулл глядит на дверь, но даже не поднимает автомат. По звуку ясно, что не к ним. Топот стихает.

– Идея,– говорит Юджин, приподнимая за шкуру бесчувственного Пако.– Где у этого гроба видеорастр?

– Тут,– Артём понимает мысль напарника.– Подключить на голограф?

Времени у них было хоть отбавляй. Пока «Головастый» ломает местного родича...

– Подключи.

Подняв бесчувственного Пако, Юджин напяливает на него ноктовизор, сует беднягу физиономией прямо в окуляр, идиотически хихикает.

Мордастый взрывается, как укушенный гамадрил. Целую минуту он с бешеной скоростью выплевывает ругательства. Грива, неплохо владеющий испанским, слушает не без удовольствия.

Внезапно толстяк осекается. Выражение его лица претерпевает жуткую метаморфозу. Смесь ужаса, невероятной тоски и беспомощности... Артём лишь однажды видел нечто подобное. На лице мертвой женщины, которую они вытащили из-под развалин в Сеуле. Ее ребенок, тоже мертвый, лежал в двух метрах. Их обоих накрыло межэтажной балкой.

Толстяк издает тихий жуткий вой и выпадает из видеоконуса. Еще через миг в конусе появляется нечто вроде обломка водопроводной трубы, забрызганной желтой краской. Щелчок – и голограмма гаснет.

– Головастый, что это было? – спрашивает Артём.

Теперь можно спрашивать: маскировка уже не нужна.

– Анализирую, – раздается лаконичный ответ.

Юджин больше не улыбается. И Грива тоже. Все идет слишком уж гладко. Слишком шаблонно.

Проникновение. Подключение «Головастого». Зачистка. Выражаясь официальным языком – «глобальное санирование территории нарушителя». Третий этап Артёма и Юджина не касается. Зачистка – это когда сотни десантников в броне высокого уровня обшаривают каждый закоулок. Грубая, но эффективная сила. Сотни вымуштрованных живых машин, направляемых «Головастым», машиной настолько умной, что ее вполне можно считать живой. Топот тяжелых ботинок, треск вышибаемых дверей: «Всем лежать! Стреляем без предупреждения!» И отрывистые хлопки выстрелов – в тех, кто не понял. Зачистка – это когда угроза уничтожения информации сведена к минимуму, работа группы проникновения закончена, можно отключить рабочий режим камуфляжа, ослабить ремни и ждать команды на эвакуацию.

Но сейчас маленький демон удачи, живущий в селезенке каждого алладиновского «полевика», нашептывает: «Гладко – это плохо. Гладко – это неправильно. Операция не закончена».

– Операция не закончена, – произносит Грива. – Что-то не так.

– Привести в чувство маленького ублюдка? – интересуется О'Тулл.

– Давай, – соглашается Грива. – Головастый! У нас проблемы, не поддающиеся формализации.

«Зафиксировано. Известить специального координатора?»

– Извести. Скажи ему: мы хотим еще немного пошарить в этой конюшне.

Головастый не всегда понимает сленг и идиомы, но сказанное воспроизведет в точности.

Артём подходит к двери и осторожно ее приоткрывает. Залитый матовым светом коридор девственно чист.

Артём так же аккуратно прикрывает дверь и возвращается в облюбованное кресло. По дисплею живым ковром бегут цветные символы. Грива зевает. В комбинезоне тут же что-то чавкает, под лопаткой слабое жжение: инъекция.

О'Тулл тем временем расчетливо пинает пленника под колено. Оператор дергается, стонет.

О'Тулл берет его за шиворот, поднимает, заглядывает в мутные глаза. Секунд пять ботинки оператора покачиваются в пяти сантиметрах от пола, затем Юджин разжимает пальцы, и Пако вялой кучей оседает на пол.

Но он уже в сознании.

Ирландец знаком показывает Гриве: твоя очередь.

В их паре О'Тулл – «руки», а Артём – «мозги». Он соображает настолько же быстрее ирландца, насколько тот проворнее по части стрельбы. Кроме того, Грива лучше говорит по-испански.

Артём опускается на корточки:

– Пожар, – сообщает он Пако.

Тот ошалело глядит на «полевика».

– Пожар, – повторяет Артём по-испански. – Защита.

Оператор подскакивает, длинная рука О'Тулла перехватывает его на лету. Оператор трепыхается пойманной бабочкой.

– Легче, мужик, – говорит ему Грива. – Мы – офицеры «Алладина». Сотрудничество тебе зачтется.

Взгляд маленьких красных глазок Пако прыгает с О'Тулла на Гриву и обратно. Оператор нервно облизывался. От него воняет страхом.

– Твой приятель сказал: «Пожар. Мудрила снял защиту», – произносит Артём.

– Какую защиту? – сипит Пако. Пот струится по его небритой физиономии. – В виварии?!

Его смуглая кожа сереет, губа отвисает...

Столь явная беспомощность настолько притупляет бдительность О'Тулла, что рывок оператора застает его врасплох.

Пако подскакивает как ужаленный и бросается к двери, опережая Ирландца ровно на секунду. Секунды достаточно, чтобы активировать замок и изо всех сил врезать кулаком по контрольному табло. Ирландец хватает коротышку за руку и швыряет в угол. Но дверь уже заклинило.

Пако трескается спиной о стену, сползает на пол и остается сидеть, посасывая разбитый сустав.

Юджин подходит к двери, трогает замок.

– Рвануть? – спрашивает он.

Артём качает головой:

– Разве мы куда-то торопимся?

Насвистывая песенку «Скачет по полянке бычок», в этот сезон очень популярную на русском гало, Артём пристально смотрит на оператора. Как тигр, выбирающий, с какого конца начать кушать пойманного кабанчика.

Пако не выдерживает.

– Сэр, – шепчет он по-английски. – Я готов сотрудничать. Только помогите мне смотаться отсюда.

– Зачем? – тоже по-английски осведомляется Артём.

Оператор умоляюще глядит на Гриву. Лицо офицера «Алладина» ниже глаз закрывает маска. В дневном свете ее ткань кажется серебряной.

– Сэр, – бормочет Пако. – Если мы здесь останемся, мы сдохнем. Это нас сожрет.

– Не думаю, – флегматично роняет Артём. – Мы очень невкусные. Верно, майор?

– Точно, – соглашается О'Тулл.

– Нас-то не съедят, – спокойно говорит Грива, – а вот насчет тебя – не обещаю. Так что, приятель, собери мыслишки и реши, что ты нам хочешь рассказать. Не торопись, подумай как следует, чтобы ничего не забыть.

Артём встает и посылает еще один запрос Головастому. Ответ прежний: «Анализирую».

Грива усаживается в кресло, разворачивает его к потееющему от страха оператору.

– Друг мой Пако! – говорит Артём, вновь переходя с английского на испанский, причем с отчетливым мексиканским произношением, точно таким же, как у пленника. – Друг мой Пако, ты католик?

Судорожный кивок.

– Тогда, амиго, будь со мной откровенен, как со своим падре. Ты понял меня, Пако?

Еще один нервный кивок.

– Чем вы тут занимаетесь, амиго?

– Я только служащий... – прошептал оператор. – Я ничего не знаю.

– Может, клонированием?

– Нет, нет, не клонированием!

«Амиго» Пако пугается еще больше, а ведь Грива полагал: тот уже достиг своего личного предела. Впрочем, его можно понять. Ходит упорный слух, что оперативники «Алладина» физически уничтожают всех нарушителей Декрета Номер Один. От директора до уборщика. Надо сказать, что Комитет по выявлению и пресечению несанкционированных научных исследований официально ни разу этот слух не опровергал, и всем, включая самих сотрудников «Алладина», было отлично известно, что мировая общественность относится к такому подходу с полным одобрением. Декрет Номер Один категорически запрещает как исследования в области клонирования, так и эксперименты по пресловутой программе «Человечество во Вселен-

ной». Подписан он только странами, представленными в АТС³, но тогдашний президент США выразил декрету полную поддержку. Еще бы! Иначе он мигом заработал бы импичмент. Разрушенный «ифритом» Нью-Йорк восстанавливали девять лет. Что, впрочем, не мешает правительству США (и не только США) через подставных субсидировать весьма рискованные, с точки зрения Комитета, проекты. И если речь идет не о дорогостоящих и масштабных космических исследованиях, а о более скромных манипуляциях с геномом, то шалунам в правительственных офисах кажется, что все будет шито-крыто. Но тут выходят на сцену строгие дяди из «Алладина». И очень больно бьют шалунов по пальцам.

– Нет, нет, не клонированием! Я мало что знаю, офицер, я скромный математик...

Грива вынимает пистолет-резонатор, демонстративно глядит на индикатор и прижимает пистолет к ладони «скромного математика».

Лоб «амиго» покрывается испариной. Он явно уже видел звукопистолет и знает, что импульс этой штуковины мигом превращает человеческую плоть в розовое желе.

– Но я слышал, я кое-что слышал! – Пако от возбуждения снова переходит на испанский.

– Говори!

– Вы не поверите, сэр!

– Ты говори, – поощряет Грива. – А я сам решу, чему верить.

– Дело в том, сэр, что они... Это машина времени, сэр!

О'Тулл громко хмыкает, но Грива и бровью не ведет.

– Продолжай, амиго.

– Это закрытые секторы, сэр, но я же занимаюсь матобеспечением, сэр...

– И пошарил, где не положено, верно?

– Да, сэр.

– Не бойся, амиго, твое руководство не станет тебя ругать, – сказал Грива. – Оно уже никого не сможет ругать, слово офицера. А ты продолжай.

– Ага, сэр, я продолжаю, сэр. Это называется аналоговый хроноконвертор. Вроде как они как-то вытащили из прошлого пробы ДНК и выращивают из них всяких тварей. Но это не клонирование, сэр, они их просто выращивают, как декоративных динозавров в яванском заповеднике. И держат их за полиэкранирующей сеткой. А под ней еще лазерная, иначе... В общем, говорят, они сожрали уйму народу, пока их не накрыли защитой. И никакое оружие их не берет! – Пако затрясся. – Офицер, пожалуйста, послушайте меня! Надо отсюда бежать! Пожалуйста!

Оператор делает попытку встать на колени.

– Сидеть! – рычит ирландец.

– Твари из прошлого, – задумчиво произносит Грива. – Динозавры... Машина времени...

– Брехня, – бурчит О'Тулл. – Ставлю стоху, что брехня. Проверим?

Он хочет подраться. Но Артём еще колеблется. Он не уверен, что имеет смысл лезть в критическую зону. Может, стоит уступить эту честь десантникам в бронекостюмах седьмого уровня? Артём не очень-то любит драку. Еще и потому, что в действительно критических ситуациях у него «включается» так называемый синдром зверя. Но Грива любопытен...

– Как это выглядит, амиго? – спрашивает он.

Пако не знает. В его башке пульсирует единственная мысль: надо уносить ноги.

– Головастый, что скажешь? – спрашивает Грива.

– Продолжаю анализ. Версия «источника» на основании имеющихся данных определена как внутреннее информационное прикрытие.

³ АТС – антитеррористический совет.

Заявление было сделано не через шлемный наушник, а прямо через динамики компьютера.

– Ты слышал, амиго? – спрашивает Грива. – Твои хозяева просто повесили дезу для любопытных дурачков вроде тебя. Так что не бойся динозавров, бойся нас!

– Анализ закончен, – внезапно объявляет Головастый. – Рекомендация группе проникновения: немедленно покинуть территорию объекта.

Вот это да!

Артём и Юджин переглядываются.

– Дополнительные сведения, – требует Грива.

– Предварительная оценка баз данных... – бубнит Головастый... И умолкает.

На мониторе – самурайски бесстрастное лицо специального координатора Хокусая Танимуры.

– Капитан Грива, вы меня видите? – спрашивает специальный координатор.

– Да, командир.

– Капитан, выполняйте рекомендацию аналитического центра.

– Это приказ? – интересуется Грива.

Специальный координатор руководит операцией, но по неписаному закону «Алладина» окончательное решение – за лидером группы. И эту неписаную этику специальный координатор, а в прошлом – один из лучших «полевиков», знает очень хорошо. На месте – виднее. И интуитивнее.

– Это приказ?

Артём подчинится, если координатор прикажет, поскольку если Хокусай приказывает, значит, он уверен, что дальнейшее присутствие на базе Гривы и О'Тулла непременно принесет только вред. Либо им самим, либо делу.

– Нет, – нехотя ответил координатор. – Это рекомендация.

– Мы остаемся, – коротко отвечает Грива.

Ирландец что-то одобрительно проворчал.

Артём берет Пако за шкирку и сажает в кресло перед видеораструбом.

– Это – местный работник Пако... как тебя?

– Васка, – хрюкает местный работник.

– ...Пако Васка. Готов к сотрудничеству.

– Очень хорошо, – кивает Хокусай.

– Я требую защиты! – пищит Пако, видно, решив, что перед ним какой-нибудь законник. – Я требую адвоката!

Лицо у Хокусая очень интеллигентное. Бедняга Пако не первый из обманувшихся.

– Я – специальный координатор подразделения «Алладин» Хокусай Танимура, – спокойно произносит командир Артёма, и Пако прикусывает язык.

Масс-медиа сформировало весьма суровый образ обобщенного специального координатора «Алладина»: что-то вроде огнедышащего дракона, одержимого маниакальной жадой убийства.

Хокусай дает бедняге возможность переварить информацию, затем осведомляется официальным тоном:

– Вы желаете воспользоваться привилегиями добровольного сотрудника?

– Да.

– Что – да?

– Желаю.

– В таком случае...

Грива отворачивается. Удав получил своего кролика.

Артём берется за пистолет, намереваясь «размягчить» попорченный шустрым амиго замок, но О'Тулл его останавливает.

– Побереги импульс, – говорит он, прилепляя к двери кубик направленной термомины. Артём надвигает на глаза визор.

Мина срабатывает с мягким хлопком, и в двери появляется оплавленная дыра примерно метрового диаметра. Запах горелого пластика сочится сквозь фильтр.

– Полную схему, – требует Грива.

Головастый немедленно выдает на экранчик визора подробную картинку. То, что Пако назвал виварием, значится как «зона перспективной тактической разработки». Обозначены наилучшие подходы к ней, а также исчерпывающая информация о размещении охраны и персонала базы. Охрана и персонал в большинстве активно делали ноги, а меньшинство, скорее всего, просто еще не сориентировалось в ситуации. Отдельной строчкой выведено текущее время до прибытия группы поддержки. Возможно, со стороны Головастого это намек. Группа поддержки – в брониках седьмой категории. Им прятаться ни к чему.

– Юджин?

– Возражений нет.

Маршруты и техническое обеспечение – на совести Артёма. Он – старший в группе, хотя О'Тулл – майор, а Грива – капитан. Зато у Ирландца скорость реакции на восемнадцать процентов быстрее, чем у Гривы.

– Тогда вперед.

Пустой коридор, нежно-голубые пластиковые панели, утопленные в панели светильники. Через каждые двадцать шагов – напольные вазы с искусственными цветами. Человек в белой униформе, выскочивший из-за поворота, шархнул так, что едва не упал. Еще один, тоже в белом, прижавшийся к стене. Охранник с карточкой на груди задирает вверх руки: сдаюсь. Успеешь еще, не до тебя. Бегом, бегом. Осмотический фильтр маски, среагировав на учащенное дыхание, повышает содержание кислорода. Еще один охранник. Бежит, сломя голову. Глаза белые от ужаса, натывается на О'Тулла, тот отшвыривает его в сторону. На полу – пистолет. Затвор в заднем положении – обойма пуста.

«Схему!»

Головастый спускает картинку. На секунду, этого достаточно. Они – в пятидесяти метрах от «вивария». Никаких опасных излучений, никаких инородных полей... Юджин сворачивает за угол и резко останавливается. Дверь. Вернее, стальной люк. Под ним – мертвец. Вернее, полмертвеца. Люк разрубил тело пополам. Неаппетитное зрелище, но видали и похуже. Ирландец сапогом отодвигает обрубок к стене, прижимает в замку анализатор, ворчит:

– Вот ведь дрянь какая...

– Что, не возьмет? – спрашивает Грива. Он чувствует облегчение. Ему не хочется лезть в пасть дракону. Он совсем не прочь подождать группу зачистки. Решительных парней в брониках седьмого уровня. Но иногда и несколько минут оказываются решающими. Кто поручится, что под комплексом не упрятан хорошо экранированный ядерный фугас и как раз в этот момент в сотне километров отсюда чей-то палец не жмет на контрольную кнопку?

Юджин аккуратным кружком прилаживает к люку термомины, отодвигается. Переборка из легированной стали – это не пластиковая дверь.

– Поехали, – говорит он и инициирует мины.

Артём Грива

Сработало. Мой визор выдал красный сигнал: опасное излучение.

– Фонит, – удовлетворенно изрек О'Тулл.

Направленные термомины образуют в фокусе почти шесть тысяч градусов и превращают в плазму практически любой материал. Но действуют всего лишь доли секунды.

Переборку они прожгли, но в отверстие с внутренней стороны не прошел бы и кулак. Это была не просто сталь, а какой-то хитрый многослойный сплав. Как выяснилось позже – космическая разработка. Для наружного люка. Если бы я знал тогда этот маленький нюанс, то, может, и не сунулся бы в дыру. И не заварилась бы каша, от которой два года спустя будет тошнить кровью пять с половиной миллиардов моих соседей по планете. То есть каша бы все равно заварилась, но я не оказался бы в самой середине котла...

Юджин вынул из кобуры лазерный пистолет. Он не забыл, что «ужасных динозавров» удерживала лазерная сетка. Он всегда обращал внимание на мелочи, мой напарник. Ирландец приготовился, но шагнул не к дыре, а в сторону. Первым заглянуть в преисподнюю – моя привилегия.

До прибытия группы зачистки оставалось всего ничего.

Но я не стал ждать. Я заглянул.

Сначала я ничего не увидел. Вернее, увидел комнату, напоминающую ту, через которую мы прошли с боем четверть часа назад. Полный разгром, трупы на полу, развороченные экраны дисплеев. Вот только крови было значительно меньше. То есть ее не было совсем...

А потом я увидел Его.

Он приближался медленно и неуверенно. На Нем был серый комбинезон, порядком измызганный.

Сначала я решил, что это человек с нарушенными двигательными функциями. Такие чудные дерганные движения... И еще от него исходило ощущение беды. Нестерпимой неправимой утраты... Меня пробрало буквально до костей... Я даже не сразу сумел понять, что это Его боль, а не моя.

По экрану визора поползли синие прозрачные полосы. Обзор они не мешали, но свидетельствовали о наличии постороннего электромагнитного излучения.

И я отвлекся. Решил, что передо мной какой-то свихнувшийся чудик из персонала базы. И сосредоточил внимание на противоположной двери.

Кого я ждал? Динозавра? Летучую медузу?

В общем, я облажался. Настолько, что даже упустил первый миг, когда Он обратил на меня внимание. Это миг был так короток, что я даже не успел разглядеть Его лица. То есть в тот, первый, миг я даже решил, что это не лицо, а маска. А во второй миг я испытал такой невыразимый ужас, что ослеп и оглох, а сердце мое оборвалось и ухнуло куда-то в ледяную бездну. В общем, это был такой жуткий страх, такая невероятная тоска и страдание, что перенести их я был не в силах. Наверное, я заорал. Наверное, я на какое-то время вообще перестал существовать. Как личность. Остались одни рефлексы. Остался «зверь», который всегда просыпался во мне в такие критические мгновения. У «зверя» не было души, которая могла страдать, у него не было морали и совести – только желание выжить и примитивные рефлексы. Эти рефлексы отбросили меня от двери метров на десять. А дальше сработали рефлексы Юджина О'Тулла. Он вскинул руку и выпустил в дыру лазерный импульс. Попал. Ирландец всегда попадал: ночью, на слух, с завязанными глазами. Как-то он даже ухитрился сбить из звукопистолета взлетающую вертушку. Но его нынешний выстрел без преувеличения изменил судьбу мира. Хотя одному Богу известно – в какую сторону.

Потом Юджин сказал: думал, что промазал. Поскольку после выстрела он не услышал характерного звука попадания. Словно лазерный луч иссяк, поглощенный полем или пространством. Позже эксперты, исследовавшие это самое тело, также не обнаружили на нем лазерного ожога. И все-таки Он умер. И О'Тулл не промахнулся.

Интересно, что Пако Васка не соврал: на комплексе действительно смастерили машину времени. Только совсем не такую, о какой потом трепались по Сети. Собственно, и машины как таковой не было.

Глава вторая

КОЕ-ЧТО О КАПИТАНЕ ГРИВЕ И ВСЕМИРНОМ КОМИТЕТЕ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Очнулся Артём, когда его погрузили на носилки. Он тут же сел, помотал головой, стащил с физиономии намордник осмотического фильтра.

– Не вставать! – военврач попытался вернуть Гриву в горизонтальное положение, но оказавшийся рядом О'Тулл похлопал лекаря по плечу, и тот сообразил, что офицер-полевик в состоянии сам оценить состояние своего здоровья.

Артём спрыгнул с носилок.

– Где... этот? – спросил он.

– Им занимаются умники, – ответил Юджин. – Видок у тебя неважный. Ты в норме, Арти?

– Более-менее... – пробормотал Грива.

Но это была неправда. Что-то с ним было не так. Что-то такое происходило в его организме. Грива чувствовал это, как чувствуют начало болезни еще до появления конкретных симптомов. Только это была не болезнь...

– Пошли к Хокусаю, – сказал Артём, отгоняя дурное предчувствие. – Отчитаемся.

О'Тулл поглядел на него с сомнением, но спорить не стал.

Обычно послеоперационный доклад длился не менее получаса. Специальный координатор видел все, что происходило внизу. На мониторах командного пункта. Но видеть – не значит находиться. Поэтому Хокусай Танимура всегда интересовался личными впечатлениями своих офицеров. Причем предпочитал получать первую информацию «по-горячему», сразу после окончания операции. Но на этот раз доклад занял чуть больше минуты. Специальный координатор отступил от обычного правила и отпустил офицеров после пары вопросов, касавшихся исключительно самочувствия Гривы.

«Хреновый, должно быть, у меня вид», – подумал Артём. И был прав.

Напарники вышли из штабного модуля – здорового вертолета, занявшего половину двора. На захваченной базе жизнь была ключом, но к Гриве и О'Тулле это уже не имело отношения. Резекция и санирование объекта – не их тема.

Офицеры взяли одну из освободившихся десантных вертушек и через пятнадцать минут уже сажались на палубу «алладиновского» авианосца.

По «алладиновскому» контракту офицер-полевик, даже не получивший ранений, после операции должен был пройти строгий медосмотр и курс реабилитации. К элитным кадрам в Комитете по выявлению и пресечению несанкционированных научных исследований относились необычайно бережно. Неудивительно, если учесть, как тщательно в этой организации подходили к подбору персонала и какое количество денег было вбухано в каждого специалиста в процессе подготовки.

Разумеется, и Гриве, и Ирландцу порядок был известен. Поэтому еще через час, сдав оружие, сменив полевую форму на гражданскую одежду и пообедав, напарники загрузились в «крыло»-челнок, который и доставил их в гражданский аэропорт Сиэтла.

Здесь друзья расстались. В Комитете существовало негласное правило: офицеров-полевиков крайне редко задействовали на территории государств, подданными которых они являлись, а вот на отдых после операции всегда отправляли на родину. Вот почему О'Тулл остался

ждать рейса в Ирландию, а Грива уже через час занял место в представительском классе стратосферного лайнера русской авиалинии, который должен был за четыре с небольшим часа перенести его на противоположную сторону земного шарика, сначала – в Киев, а оттуда, транзитом, в Симферополь, где Гриве предстояло арендовать вертушку и самостоятельно добраться до ливадийского реабилитационного комплекса неподалеку от Императорского дворца. Комплекс этот был личным подарком Государя Комитету, обладал правом экстерриториальности, и, естественно, никаких плановых рейсов туда быть не могло.

Откинувшись в удобном кресле «представительского» салона, Артём Грива размышлял о своей работе. И о своей родине. Это были привычные мысли. Они помогали не думать о том, что случилось на базе. Инстинкт подсказывал Гриве, что сейчас нельзя об этом думать. Опасно. Почему? На этот вопрос Грива не смог бы ответить, но инстинкту он доверял. Так что он думал о своей родине, которую действительно любил, и о своей работе, которую считал самым стоящим занятием для мужчины и офицера.

Вообще-то в России к «Алладину» относились с большим пиететом и никогда не забывали, что Антитеррористический совет, предшественник «Алладина», был некогда создан по инициативе самого регента Кондратьева. Но, возможно, это была всего лишь попытка сохранить лицо. Какому государству приятно, если на его территории базируются силовые подразделения, этому государству не подчиненные?

Каждая из держав решала эту проблему по-своему. Россия – формальным Императорским покровительством, Объединенная Запад-Европа норовила перевесить на «алладиновцев» функции собственных спецподразделений, Индия и Япония оговаривали сотрудничество многотомным договором, Израиль и ЮАР бесцеремонно впутывали Комитет в свои африканские игры... Только два государства упорно пытались ограничить деятельность «Алладина» на своей территории, а еще лучше – вовсе выставить его за пределы своей страны: США и Китай. Но ни в том, ни в другом случае дело не заходило за рамки газетных демаршей и публичных протестов по гало. Любой правитель, попытавшийся пойти дальше, моментально перестал бы быть правителем. При дружном одобрении международной общественности. Земляне отлично помнили, что такое «ифрит». И не нуждались в лишних напоминаниях. Но, к сожалению, несмотря на все усилия Международного координационного центра по исследованию феномена спонтанной деструкции и его карающего органа, то есть «Алладина», «ифрит» продолжал свою разрушительную работу. И никто не мог предугадать, когда и где произойдет очередная катастрофа и какой вид она примет: то ли станет обрушившимся на испанское побережье цунами, то ли реализуется нашествием ядовитых пауков на пригороды Сеула. И только одно правило «ифрит» соблюдал свято: начало бедствия, будь то подводное землетрясение или внезапная мутация членистоногих, с высокой точностью совпадало по времени с совершенно конкретным научным достижением человеческой расы. Так что Координационному центру оставалось лишь установить, какое именно из зарегистрированных направлений научной деятельности оказалось смертоносным. И повесить на этом направлении «кирпич».

А задачей «Алладина» было выявление незарегистрированной научной деятельности и пресечение таковой. И клинками, которые беспощадно смахивали очередную голову «гидры», были спецподразделения, выполняющие так называемое санирование и резекцию нежелательных направлений. А лезвиями этих клинков – группы проникновения, состоящие из офицеров-полевиков, элиты «алладиновских» командос.

До того как попасть в «Алладин», Грива служил в Департаменте внешней разведки, в африканском отделе Управления контроля внештатных ситуаций. И не за столом в здании Управления на Миллионной улице, а резидентом «на холоде». Хотя только большой шутник мог бы назвать «холодом» климатические и социальные условия Африканского континента, на котором две самые воинственные державы планеты, Израиль и ЮАР, непрерывно делили

сферы влияния, а миллионы коренных обитателей континента энергично резали друг друга, как следуя воле правящего ими «белого меньшинства», так и вопреки этой воле. И при неформальной поддержке «великих держав», всячески поощрявших эту резню, потому что иначе эти миллионы диких и голодных африканцев непременно хлынули бы в благоустроенные государства Америки, Азии и Европы, где и без того хватало выходцев с Черного континента.

В этом бурлящем котле Грива провел первые три года после окончания Высшей Военной Императорской школы, активно и с удовольствием участвуя в изощренных поединках мастеров «плаща и кинжала», длившихся десятилетиями поединках, в которых за каждую оплошность можно было заплатить не только «бонусами», но и жизнью. Тогда Грива думал, что более «острой» деятельности не бывает. Он понял, что ошибался, когда стал сотрудником «Алладина». Здесь не было поединков. Здесь всё, как правило, сводилось к одному-единственному удару. И если этот удар не отсекал ядовитое щупальце, то второй удар наносил уже «ифрит». А это – десятки, а то и сотни тысяч человеческих жизней...

Поэтому офицер-полевик «Алладина» не имел права ошибаться. А следовательно, его физическое и психологическое состояние подлежало строгому контролю. И об этом было особо сказано в контракте офицера Гривы. Так что если ему был положен отдых, то никто – ни сам Грива, ни даже лично Председатель Международного координационного центра по исследованию проявлений феномена спонтанной деструкции – не мог лишить офицера-полевика права на релаксацию.

Глава третья

СОТРУДНИК ВСЕМИРНОГО КОМИТЕТА ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИХ БЛАГОРОДИЕ КАПИТАН ГРИВА НА ОТДЫХЕ

Первые дни положенной релаксационной недели Артём провел абсолютно бездейственно. Читал, бегал по горам, надев «гидру» (апрель все-таки), часами плавал в холодном море. Эскулапы его особо не донимали, а служебные проблемы он, как и положено по уставу, оставил за воротами релакс-комплекса. Пользуясь своими привилегиями «лица, чей ранг приравнен к рангу младшего камергера Императорского Двора», Артём оформил пропуск в Царский парк, где и бродил в полном одиночестве, размышляя о возвышенном и сочиняя хокку. Хокку выходили отвратительные. Восьмушке самурайской крови, наличествовавшей в жилах Гривы, было не по силам победить полное отсутствие поэтического таланта.

На четвертый день Артём, по согласованию с комендантом (считалось, что Грива – на службе), взял вертушку и слетал в Ялту, где аккурат в этот день проходил финал чемпионата стеночников.

Лет десять назад, как раз когда Грива заканчивал математико-информационное отделение Военной Императорской школы и готовился поступить на службу во Второй департамент (так тогда называли Департамент внешней разведки), стеночная борьба вдруг приобрела в России невероятную популярность. Лучших бойцов почитали не меньше, чем сумоистов в Японии. Позже энтузиазм несколько угас. Тем не менее в рейтингах гало соревнования стеночников уверенно вписывались в первую десятку, уступая, конечно, таким видам, как футбол и хоккей, но далеко опережая все прочие единоборства.

Ялта – один из самых дорогих черноморских курортов. Тем не менее на крыше местного отеля «Хайат», чья свеча торчала как раз рядом со стадионом, посадочных мест не было.

Грива поставил машину на желтый прямоугольник служебной стоянки, махнул перед носом служащего радужным пропуском в Ливадийский дворцовый комплекс (служащий почтительно козырнул), соскользнул в прозрачной капле лифта вниз, в журчащий фонтанами холл – и снова окунулся в весеннюю многолюдную Ялту.

На площади перед стадионом бурлила толпа. Билетов, разумеется, не было, но Артём полагал, что привилегии для того и существуют, чтобы ими пользоваться, поэтому через общий терминал связался с администрацией, сунул в щель личную карточку и, естественно, тут же получил допуск в «дворцовую» ложу.

Хотя десятитысячный стадион был забит до отказа, ложа, в которой с комфортом разместился Грива, была практически пуста. Только в углу притулилась довольно симпатичная девушка в сарафане, красный цвет которого демонстрировал ее симпатии к красноярской сборной.

– Привет, – настороженно сказала она.

На вид ей было лет семнадцать-восемнадцать, и сомнительно, чтобы у нее было право на место в «дворцовой» ложе. Но Артём – не инспектор и не какой-нибудь штатский сноб из министерства.

– Привет! – дружелюбно ответил он, положил на барьер полученный от контролера бинокль и активировал экран инфо. Сведения о командах-финалистах, для того, кто понимает, намного интереснее, чем рекламное представление спонсоров чемпионата. Грива понимал.

Рекламное шоу длилось минут десять, потом завывли трубы и на арену двумя компактными группами выбежали стеночники. Сборная Красноярска против московского «Святогора». По девять троек с каждой стороны. И те и другие в стандартных костюмах: порты-пояс-рубаша. Некоторые – босиком. Это не возбранялось. Так же, как и вышивка по вороту. Но в остальном – строго. Вообще-то правила в «стенке» очень жесткие. Особенно с тех пор, как отказались от применения протекторов. Раньше, до того как «стенка» окончательно оформилась, вольностей было больше. Некоторое время даже разрешалось использовать дубинки. По две-три на команду. Большие дискуссии велись на эту тему: дескать, по русским традициям «стеночники» дубинками сплошь и рядом дрались. Но в основе современной «стенки» стояли люди серьезные, понимавшие, чем отличается «фольклорная» музыка от музыки «на основе фольклора». Дубинки отменили. И протекторы, кстати, тоже. Та самая традиция однозначно требовала от участников «держатъ» удар.

Реклама на тридцатиметровом галозэкране сменилась «картинкой» арены, стадион взвыл и тут же стих.

Артём на экран не смотрел. Если бы он хотел увидеть чемпионат по гало, не полетел бы в Ялту.

Команды построились.

– Извините... – вдруг тоненьким голоском проговорила девушка. – Если вам не нужен бинокль...

Артём не глядя протянул ей бинокляр. Офицер-полевик со зрением ниже тройки – это гарантированное увольнение для курирующего окулиста.

Стадион снова взвыл. Стеночники с ревом, даже без помощи динамиков перекрывшим ор зрителей, ринулись в бой. Казалось, уровень шума достиг предела, но тут врубилась направленная микрофоны, и от боевого клича троек завибрировал барьер логи.

Когда-то Грива потратил немало времени, чтобы освоить голосовую технику «стенки», но по-настоящему так ею и не овладел, хотя эффективность ее была потрясающей. От воинственного клича даже одного умелого бойца у противника опускаются руки и слабеют колени. А если пронзительный вопль разом испускает сыгранная тройка – супротивник может и сознание потерять. Рассказывали историю о том, как из Токсовского зубрятника вырвался бык и отправился прогуляться по курортной зоне. Санкт-петербургская команда стеночников успела раньше звероловов. Когда те наконец прибыли, зубр в глубокой печали лежал на травке. При этом его никто и пальцем не тронул. И правильно, что не тронул. Зубр – это не домашний бычок. Солидная зверушка. А вот против боевого клича не устоял...

Командная техника стеночного боя с виду кажется достаточно простой: куча на кучу. Но это – только с виду. Овладеть ею весьма нелегко. По сути, каждая тройка – это единый боевой организм. Двое – на прикрытии, один – на атаке. Это не значит, что защитники не могут атаковать, а атакующий – защищаться. Футбольный нападающий тоже может играть в защите, а защитник – в нападении. Но в идеале каждый делает то, что умеет лучше. С учетом групповой тактики. Иными словами, любая пуля может убить, но малокалиберная гарантированно выводит из строя при точном попадании, а крупнокалиберная – при любом. То есть, если «биток» попал, тот, в кого он попал, из игры вычеркивается. На стеночном жаргоне это называлось «сделать мясо». А «сделать мясо» из крепыша, ломающего головой доску в пять сантиметров толщиной, – серьезная задача.

Стадион стоял на ушах. Девочка-соседка приплясывала, подпрыгивала и лупила по барьеру Артёмовым биноклем. «Стенка» – безумно заводная штука. Грива, конечно, не визжал. Считал: несолидно. Но получал от зрелища большое удовольствие. Потому что будучи

профессионалом видел не только прыжки и плюхи, а еще и отточенную технику. Он видел, как ловко маневрировали «тройки», сменяя друг друга в «активной зоне», чтобы у «пристяжных» и «битков» была возможность немного отдышаться. Видел, как готовились и формировались направления атак и как моментально уплотнялась линия бойцов, когда противник пытался создать в какой-то точке единовременный численный перевес. Видел он и разницу между двумя школами стеночников. Москвичи-святогорцы старались работать командно, технично, экономно, планируя долгий поединок «на выносливость». А сибиряки явно делали ставку на индивидуальную мощь двух-трех особо крепких и выносливых «битков». Большинство болельщиков, как давно убедился Грива, предпочитали именно этот вариант. Пусть «стенка» закончится через полчаса, зато это будут та-кие полчаса...

Буц! Буц! Шмяк! Шмяк! Рев взлетел еще на полсотни децибел.

«Ва-ви-ла! Ва-ви-ла!»

«Биток» Красных из красноярской сборной провел отличную комбинацию, в полсекунды уложил полную тройку святогорцев и порвал москвичам линию защиты. В следующую секунду его тройка оказалась в кольце противников. «Пристяжные» вертелись как бешеные. Одного тут же сшибли, второго тоже едва не завалили, но красноярский «биток», двухметровая машина с руками гориллей длины, ухитрился «махнуть» поверх головы своего «пристяжного». Грива увидел, как святогорского «битка», тоже бугая пудов семи, кинуло на своих, кольцо лопнуло, и мгновением позже красные рубахи красноярских буквально «затопили» желтые рубахи москвичей. Те еще пытались отбиться. Три тройки святогорцев, спина к спине, встали последним желтым островком и мужественно продержались еще целую минуту.

Когда упал последний святогорец, низким басом заревели трубы и «стенка» красноярцев рассыпалась.

Из четырех ворот на усеянную телами арену бросились врачи и санитары с самоходными тележками.

– Ва-ви-ла! Ва-ви-ла! – ревел стадион.

Могучий красноярский «биток» застенчиво улыбался и вытирал лицо разорванной в клочья рубахой. Красная кровь на красной ткани была не заметна.

– И-и-и! – в восторге запищала Артёмовая соседка по ложе, как обезьянка, вспрыгнула на Гриву и принялась его целовать.

Только через минуту ему удалось отделить от себя это восторженное взлохмаченное и совершенно очаровательное существо.

– Я Артём, – представился он. – А ты?

– А я – Маша! – сообщила девушка и опять полезла обниматься.

На этот раз они поцеловались с чувством и без лишней торопливости. Под тонким шелком сарафана не было ничего, кроме упругой плоти. Мир закружился и поплыл... Кто-то сунулся в ложу, но Артём вовремя сделал шаг назад, прижал дверь спиной. С той стороны еще некоторое время сустились и дергали ручку. Потом дверь оставили в покое.

Руки девушки опустились ниже, нацеливаясь на пряжку пояса, но по пути наткнулись на кобуру.

– Ой!

Удивленная Маша моментально отстранилась, но Артём ее не отпустил, придержал за гибкую талию.

– Ты – жандарм? – спросила девушка с ноткой почтения.

Грива мотнул головой.

– А кто? – В серых глазах вспыхнула искра отчаянного любопытства.

– Шпиён! – страшным шепотом сообщил Артём. – Китайский!

Девушка звонко рассмеялась:

– Нет, правда, ты кто?

- Офицер, – строго сказал Грива и тут же улыбнулся: – Будем праздновать победу, Маша?
- Ты тоже болел за красноярских! – восхитилась девушка.
- Я болел за хороший бой, – честно сказал Грива. – Надеюсь, тебя никто не ждет?
- Ну-у... – Маша смутилась.
- Купаться будем... – пообещал Артём. – И рыбу ловить. С дельфинами.
- Ой! – восхитилась Маша.
- Кефаль. Руками. Я научу. Решили?
- Решили! – Маша встряхнула соломенной гривкой.
- Тогда вперед! – заявил Артём. – У меня вертушка на стоянке.

Строго говоря, на территорию комплекса посторонним вход запрещен, но если отдыхающий офицер желает пригласить гостя или, тем паче, гостью, на это смотрят сквозь пальцы. Эмпатки-психологини из obsługi – это, конечно, здорово. Для новичка. Но большинство «отдыхающих» рано или поздно тянет на что-нибудь натуральное. Чтоб не всплывала в самый неподходящий момент мыслишка, что тебя «лечат».

Уже в вертушке Грива спросил:

- У тебя личная карта с собой?
- Угу.
- Вставь ее сюда, пожалуйста, – попросил Артём.

Некоторые правила в него накрепко, до уровня рефлекса, вбили еще в Департаменте разведки.

Маша бросила на него удивленный взгляд, но тем не менее сунула пластиковый прямоугольник в щель анализатора.

Никакой реакции не последовало. Девушка Маша в базах «Алладина» не числилась.

- Порядок такой, – успокоил ее Артём. – Военный объект.
 - Правда? – Маша оживилась. – А можно спросить – чей?
- Вертушку тряхнуло: опоры коснулись земли.
- Можно. Спросить.

Собственно, никакого секрета в том, что в Ливадии расположен санаторий Всемирного комитета по выявлению и пресечению несанкционированных научных исследований, не было. Но Грива не любил с ходу объявлять своим случайным знакомым, что он – офицер «Алладина». Даже в просвещенной России на «алладиновцев» взирали, и совершенно без всякого основания, как на могучих и безжалостных сверхчеловеков. При таком отношении было трудновато строить натуральные отношения.

Они вылезли из вертушки.

– Погоди минутку, – Грива заскочил в свой оплетенный виноградом домик, прихватил пару осмотических «гидр» для длительного плавания, дельфиний манок и спрятал в сейф личное оружие.

К морю они отправились пешком.

Грива знал отличную бухточку...

Артём Грива

Осмотическая модель «гидры» – отличная вещь. Ни громоздких баллонов за спиной, ни утяжелителей на поясе. Батарей хватает на несколько суток пребывания в воде нулевой температуры. Холод практически не ощущается, мерзнут только ладони, да и то если перчаток не надевать. В общем, полная свобода. Если, конечно, умеешь правильно работать моноластом. Моя новая подружка умела. Это восхитительное зрелище: стройная девушка в облегающей серебристой «гидре», скользящая сквозь пронизанную солнцем воду. Грациозный полет. То

есть кажущийся грациозным, пока на горизонте не появятся дельфины. В сравнении с ними мы – как двухлетний карапуз, ковыляющий за гимнасткой. Они к нам и относятся как к детям. Наверное. Психология дельфинов даже для специалистов – темный лес. Насколько я знаю, лет сто назад их вообще считали животными, на них даже охотились... Хотя чему удивляться, если даже сейчас, во второй половине двадцать первого века, на половине Африканского континента каннибализм считается чуть ли не доброй традицией.

Я учил Машу ловить кефаль. Руками. Поймал одну жалкую рыбешку. Дельфины вертелись вокруг и, вероятно, от души потешались.

Потом им это надоело, нас «отбуксировали» в море, так далеко, что берег превратился в дымную полосу, и затеяли карусель.

Девушка Маша визжала так, что даже сквозь маску слышно было. Дельфиний танец – это нечто. Просто безумие, когда мимо тебя, почти впритирку, проносятся живые торпеды. Кажется, что для них вода – как воздух. Ни малейшего сопротивления. Чем обычно заканчивается дельфиний танец, теперь знает каждый. Благодаря гало. Но гало-программа не передает того возбуждения, которое пронизывает воду вокруг сплетающихся дельфиньих пар. Это покруче любого афродизиака. Я не знаю никого, кто устоял бы. Не говоря уже о нас с Машей. К счастью, модельеры «гидр» учли и это...

Глава четвертая

ЛИВАДИЯ. ИХ БЛАГОРОДИЕ КАПИТАН ГРИВА НА ОТДЫХЕ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Часа через два дельфины отбуксировали их к берегу, набили карманы «гидр» живой рыбой и распрощались.

Девушка Маша, совершенно обессиленная и абсолютно счастливая, голышом растянулась на камнях, а Грива, собрав плавник посуше, занялся костром. Спустя час с небольшим ломтики кефали обрели необходимый цвет и запах.

Но без помех насладиться трапезой им не удалось.

Здоровенная вертушка беззвучно вынырнула из-за края обрыва и повисла над ними. Костер рассыпался ворохом искр и пепла.

– Немедленно погасить огонь и приготовить личные карты для досмотра! – проревел сверху свирепый голос.

Перепуганная Маша метнулась к одежде, но Грива поймал ее за руку, усадил.

– Это лесная охрана, – сообщил он. Ему даже не пришлось повысить голос. Вертушка охраны была, естественно, оснащена шумоподавителями, «сглатывающими» и рык двигателя, и визг рассекаемого винтами воздуха. – Сиди на попе ровно. Я разберусь.

– Эй там, наверху! – крикнул он весело. – Рыбки жареной не хотите?

Отвечать на подобную наглость «лесники» не стали. Их вертушка тут же выпустила поплавки и плюхнулась в воду у самого берега. Бравые «лесники» в количестве трех загорелых молодцов с грозным видом направились к нарушителям.

– Командир отдельного патруля экологической службы старший инспектор Берендеев! – молодец постарше коснулся пальцами края фуражки. – Ваше удостоверение, сударь!

Грива засмеялся и демонстративно поднял руки.

– Сдаюсь, сдаюсь! – объявил он. – Прошу снисхождения к усталому воину и его умирающей от голода даме!

Он протянул старшему инспектору временный пропуск в ливадийский Императорский парк.

– А... Понятно, – пробормотал «лесник», увидев карточку с объемным царским орлом. Но тем не менее коснулся карточки идентификатором, прочитал... И вытянулся.

– Прошу меня извинить, господин специальный советник! Служба. Пошли, ребята!

– Значит, не хотите попробовать рыбки, господин старший инспектор? – лукаво улыбнулся Грива.

– Э-э-э... – старший инспектор заколебался, потом решился, тоже улыбнулся: – Почему бы и нет, сударь!

Подозвал одного из своих, шепнул на ухо. Тот метнул на Гриву удивленно-восхищенный взгляд и устремился к вертушке. Через двадцать секунд, слегка запыхавшись, он опустил к ногам Гривы двадцатилитровую оплетенную бутылку.

– От нашего стола – вашему! – ухмыльнулся Берендеев.

Артём присел, свернул пробку, понюхал...

– Вот! – сказал он удовлетворенно и подмигнул подружке. – Именно на это я, Машенька, и рассчитывал.

Последнее оставшееся напряжение растаяло. «Лесники» расхохотались, и Грива к ним присоединился. Славная девушка Маша глядела на мужчин немного испуганно и неуверенно улыбалась. Трусика она все-таки надела.

Часа через четыре, когда бутылка опустела, рыба была съедена, песни спеты, а «страшные охотничьи истории» рассказаны, теплая компания набилась в вертушку и лихо взмыла в бархатное небо. До комплекса было рукой подать, минут десять, но даже за это время автопилот, в народе не зря именуемый «болваном», ухитрился трижды вмешаться в процесс управления, сочтя ситуацию опасной. После третьего раза его заблокировали (на спецмашинах есть такая функция), чтобы не мешал «летать по-русски». Тем не менее вертушка благополучно достигла комплекса... где «неопознанный летательный аппарат» едва не сбили системы слежения. Хорошо Грива успел воткнуть в идентификатор личную карточку.

Грива сердечно распрощался с «лесниками», подхватил на руки девушку Машу и перенес ее через порог оплетенного виноградом домика.

Ровно через три минуты через этот же порог перешагнул разъяренный дежурный офицер... Увидел живописную картину из двух, отнюдь не мертвых, тел, с зубным лязгом сомкнул челюсти и покинул коттедж.

Утром его гневный рапорт лег на стол коменданта... и отправился в утилизатор. Комендант комплекса, равно как и дежурный, понимал, во что превратили бы лазеры защитной системы базы вертушку лесной охраны вместе со всем ее содержимым, включая и «восстанавливающего силы» офицера Гриву, за которого комендант отвечал лично. Но комендант комплекса занимал свое место уже одиннадцать лет, привык еще и не к таким выходкам своих «отдыхающих», а главное, уже убедился, что эти «отдыхающие» всегда и в любом состоянии ухитрились каким-то чудесным образом в самый последний момент вывернуться из штопора.

В полдень следующего дня Грива отвез Машу в Ялту. Расстались они очень нежно и с большим взаимным уважением, поскольку прошлой ночью девушка Маша показала, что ничем не уступает виртуозным эмпаткам комплекса, да и Артём в грязь лицом не ударил: не посрамил честь офицера.

Вечером того же дня Грива связался со специальным координатором Хокусаем и доложил, что «полностью восстановил силы».

– Отлично! – одобрил Хокусай. – Завтра утром за тобой прилетит модуль. Ты нам нужен.

Глава пятая ЧУЖОЙ

Артём Грива

Выяснилось, что я получил майора. За последнюю операцию. По моему мнению, повышать в звании следовало Юджина, однако со мной никто не советовался. Повышение следовало обмыть, но какое там... О присвоении мне сообщили, едва я ступил на борт. И с ходу, не дав даже толком порадоваться, взяли в разработку. Представляю, как у них зудело во всех местах, пока я плескался в Черном море. Два специальных координатора, помимо моего командира Хокусая, целая свора аналитиков всех мастей, каждый чином не ниже координатора, то бишь полковника, переводя на наш армейский язык. Дай им волю, они разложили бы меня на хирургическом столе и препарировали, как лягушонка. К счастью, все специальные координаторы были нашего, боевого, племени. Поэтому, как я узнал позже, вместо глубинного гипноза под сывороткой умникам пришлось ограничиться беседой.

Как и следовало ожидать, их интересовал Он. Сначала меня попросили рассказать, что я увидел, когда заглянул в прожженную О'Туллом дыру. Я рассказал. Со всеми нужными подробностями, поскольку профессионал. Меня попросили повторить на бис. Я повторил. Мнемонике обучен с младых ногтей, как говаривал мой школьный куратор, так что повторил слово в слово. Кое-кто решил, что я издеваюсь, и был недалек от истины. Потом пошли вопросы.

«Почему вы решили не дожидаться группы поддержки?», «Какой тип психического расстройства напомнили вам движения объекта?», «Испытывали ли вы агрессию по отношению к персоналу базы?» и т. п.

Я мысленно поделил вопросы на две категории: осмысленные и дурацкие.

Дурацкие вопросы я игнорировал, ссылаясь на профессиональный кодекс, на толковые отвечал, как умел.

Понемногу я въехал, что все вертится вокруг одной-единственной темы: чем Он отличался от человека? При том, что никто не потрудился поделиться со мной тем, что они уже раскопали, а разговаривали со мной так, словно я, который и видел-то «объект расследования» секунд десять, был Его закадычным дружкой. Через четыре часа топтания вокруг да около я взбунтовался.

– Господа,– сказал я этим прозекторам от психологии,– мне кажется, моя помощь будет эффективнее, если вы снабдите меня всей информацией.

Умники посмотрели на меня так, словно я – макака, которая вдруг стала цитировать уравнения теории направленных множеств Колосова. Что бы там ни числилось в моем досье, а для аналитиков мы, оперативники,– нечто вроде передвижных датчиков к Головастому.

Но прежде чем кто-либо из них открыл рот, чтобы поставить зарвавшуюся «обезьяну» на место, подал голос Хокусай.

– Он прав,– произнес мой непосредственный начальник.

И два других специальных координатора дружно кивнули. Они-то помнили, что такое боевой офицер «Алладина», поскольку когда-то сами были «полевиками».

– Хорошо,– пошевелив извилинами, уступил главный «умник», доктор социологии Сяо Сунь, седой лысый китаец, работавший еще в Антитеррористическом совете.– Давайте прервемся. Продолжим после приземления. Вы, господин специальный координатор, сами ознакомите своего подчиненного с делом или...

– Сам,– кивнул Хокусай, и господа аналитики отправились обедать.

– Пошли, майор,– сказал мой командир, переходя на японский.– У нас девяносто минут.

Живым я его рассмотреть не успел. Может, и к лучшему. Человеческого в нем оказалось не больше, чем во мне – обезьяньего. Удлиненный череп, кожа синюшного цвета (возможно, посмертный эффект), полное отсутствие надбровных дуг, переносица, больше похожая на ползущего по черепу костяного червяка. Вместо головы «червяка» – затянутая бельмом дыра.

«Сплошное неподвижное веко, не прозрачное для видимого и ультрафиолетового спектра, но проницаемое – для инфракрасного и ниже»,– ответил на мой вопрос компьютер.

Имелась и пара обычных глаз, если можно назвать обычными эти круглые выпуклые полушария, разделенные на сегменты зелеными нитками-полосками.

Морщинистые полуопущенные веки, обрамленные мохнатыми ресницами, длинный узкий нос с единственной ноздрей, крупные челюсти, по-волчьи выдвинутые вперед. Однако во всем этом чуждом для человека облике чувствовался некий шарм, даже не шарм, а величавая красота, какая бывает у благородных и мудрых старцев. По моей просьбе компьютер «убрал» мягкие ткани, и я убедился, что клыки у Него куда больше, чем у меня. Пришла нелепая мысль о вампире, но я ее прогнал.

Итак, тело похоже на человеческое. Скелет типичный для прямоходящего, передвигающегося на двух ногах. Руки очень длинные, но зато с пятью довольно изящными пальцами и совершенно обычными ногтями. Волосяного покрова нет. Компьютер услужливо поворачивал проекцию, чтобы я мог изучить тело во всех подробностях. А подробности были таковы, что, помимо волос, у «объекта» полностью отсутствовали половые признаки. Как первичные, так и вторичные. Я запросил «картинку» внутренних органов и убедился, что органов размножения, по крайней мере, в нашем понимании, не наблюдается. Наблюдалось сердце, желудок («С остатками растительной пищи» – услужливо проинформировал компьютер), легкие, печень и прочее. Мозг оказался поврежденным. Физически. Выглядел так, словно в него всадили заряд очень мелкой дроби. Изнутри. А потом все дробины тщательно удалили. Весьма интригующе. А где след лазерного ожога? Должен быть след. Я точно помнил, что Юджин сбил его из лазера!

Ого! Вот это совсем интересно! Сквозной канал от прямого попадания лазерного пучка... В верхней трети правого бедра! В значительной степени регенерированный. Что?!

От следующего комментария у меня даже ежик на затылке встал дыбом.

Неопровержимый факт: организм объекта зарастил дыру от лазера ПОСЛЕ ТОГО, КАК ОН, ТО ЕСТЬ ОРГАНИЗМ, УМЕР!

Н-да...

Я осведомился насчет одежды. Исключительно в силу привычки. Одежда оказалась стандартной: лабораторный комбез китайского производства.

Я еще раз вызвал объемную картинку разрушенного мозга.

Отчет свидетельствовал: никаких инородных включений. Способно ли живое существо так изуродовать собственные мозги?

Минут десять я активно гонял компьютер, изучая объект во всех ракурсах. Перечитал комментарии, даже попытался разобраться в отчете биохимиков. Не разобрался: сплошные специальные термины.

Отодвинувшись от экрана, я вопросительно посмотрел на Хокусая.

Специальный координатор обедал. По-домашнему: рыба, рис, зелень. Передо мной стояла такая же тарелка с красиво уложенным съестным и чашка цветочного чая. Я предпочел бы русскую кухню и большую кружку темного ярославского пива, но обижать Хокусая не стал. Толика японской крови в моих жилах – не последняя причина почти отеческого отношения ко мне старшего координатора.

– Танимура-сан, откуда Он взялся?

– Вытащили из прошлого,– ответил Хокусай.– Вернее, они полагают, что из прошлого. Они не собирались никого вытаскивать. И прошлое их не интересовало. Они нацелились в противоположную сторону,– Хокусай сдержанно улыбнулся,– в будущее. В принципе – ничего особенного. Запроси они разрешение, мы бы им его дали. Прогностическое макетирование пока что не под запретом.

– Прогностическое макетирование? Вы уверены, Танимура-сан?

Я, конечно, не математик, однако...

– Абсолютно. Но...– специальный координатор поднял тонкую чашечку с чаем, посмотрел на свет...– Для построения моделей они решили использовать не стандартные алгоритмы, а приемы аналоговой магии.

– Аналоговой... Чего? – я чуть не поперхнулся цветочной водичкой.

Хокусай загадочно улыбался. Глядя на меня, он несомненно получал удовольствие. Извращенное самурайское чувство юмора.

– Магии,– с удовольствием повторил мой начальник.– Позже посмотришь их наработки. Там очень много полезного для нас.

«Алладин», в сущности, научный паразит. Пресекая по всему миру потенциально опасные исследования, моя контора нисколько не стесняется эксплуатировать их результаты в собственной практике.

– Они использовали также темпорально сенситивных людей для поиска и наведения ...

– Кого-кого? – не понял я.

– Темпорально-сенситивных,– с удовольствием произнес Хокусай.– То есть обладающих способностью предвидеть некоторые аспекты будущего.

– Ученых-футурологов, что ли? – к этой братии я относился скептически. Особенно к той ее части, которая давала прогнозы лет на сто вперед.

– Скорее, гадалки и астрологи.

Может, он все-таки шутит, мой командир? Однако, чтобы окончательно меня добить, он добавил:

– Математический аппарат им писал сам Колосов.

Да, это уже не шутки. Академик Колосов – это гений. Немного экстравагантный, что гению вполне позволительно, но в высшей степени благородный человек. Меня познакомили с ним на пятидесятилетии отца. Если Колосов замарал имя в запрещенных исследованиях, мне это обидно.

– Он не ведал, что творил,– успокоил меня Хокусай.– Просто создал теоретическую игрушку. Но, как все его игрушки, вполне работоспособную. Не отвлекайся. Тот, чьи останки нам достались, материализовался шестнадцать дней назад. Именно материализовался прямо в зоне виртуального моделирования. Умники, которые контролировали процесс, даже не сразу поняли, что Он – не очередная виртуальная модель. Пока не вступили с ним в прямой контакт. Но после этого уже ни на какие выводы были не способны, поскольку всякий человек, вступавший с Ним в прямой визуальный контакт, тут же терял рассудок. Они либо умирали от шока, инсульта или иной хвори; либо кончали с собой, например, разбив голову о стену; либо норовили умереть от естественных причин: скажем, отказавшись принимать пищу. Примерно четверть контактеров не проявили суицидальных наклонностей, но только потому, что умирать было уже нечему. Личность полностью разрушена. Вылечить их или хотя бы получить внятную информацию нам не удалось. Даже с помощью ментального сканирования. Среди первых пострадавших оказались руководители базы, поэтому три дня в комплексе царил полный хаос. А когда число смертельных случаев многократно превысило все допустимые нормы Министерства обороны США, компьютер базы самочинно вытянул из Сети все эффективные системы безопасности (по этому запросу мы, кстати, и вышли на саму базу) и, тоже самосто-

ятельно, скопировал и отработал на «объекте» программу защиты со второй стадии проекта «Человечество во Вселенной».

Ого!

«Человечество во Вселенной» – это ведь тот самый проект, который разбудил «ифрит».

– Однако никаких видимых проявлений феномена спонтанной деструкции в период реализации этого проекта нами не обнаружено, – произнес Хокусай.

Вот это совсем интересно. Конечно, еще не вечер. При дальнейших разработках от «ифрита» никто не застрахован. Но волна, как правило, накатывается без промедления. Буквально секунда в секунду. Что существенно облегчает нашу работу.

– После изоляции Объекта ситуация несколько стабилизировалась, – продолжал специальный координатор. – Руководство базой взял на себя один из второстепенных начальников-военных, который предпринял попытку Объект уничтожить и потерпел неудачу. А потом появились мы.

– Установлено, почему у тех, кто выжил, сторели мозги? – поинтересовался я.

– Предположительно, от очень сильного эмоционального воздействия, – ответил Хокусай. – Механизм передачи этого воздействия не ясен. У нас эмпатия проявляется совершенно иначе. Но вполне очевидно, что воздействовал именно Объект, причем скорее всего – бессознательно, даже стихийно. Судя по некоторым данным, Он сам был, мягко говоря, в расстроенных чувствах. Сомнительно, чтобы подобное эмоциональное состояние было обычным для разумного существа.

– Ужас... – пробормотал я, передернув плечами.

– Нет, скорее глубокая депрессия, – сказал Хокусай. – По крайней мере, этой точки зрения придерживаются наши специалисты. Депрессия, которую он эмпатически проецировал на всех, кто вступал с ним в контакт. Депрессия такой силы, что даже самый крепкий рассудок не выдерживал.

Ну да, именно так, подумал я. Стрдание, невыразимая печаль, ощущение невосполнимой потери... Ужас возник в тот краткий миг, когда наши глаза встретились. До этого было другое... А то, что возникло... Нет, это был не страх происходящего, а страх того, что может произойти... Я знал это чувство, потому что уже испытал его однажды: давно, еще кадетом, когда на экзамене по пилотированию у моего «крыла» отключился блок питания и оно сорвалось в штопор прямо над спальными кварталами Гражданки. Несколько секунд я пытался как-то выровняться, уйти... А когда понял, что не сумею...

Питание восстановилось за девятнадцать секунд до контакта с землей, и автопилот (я бы уже не успел) вывел «крыло» из штопора. Потом выяснилось: авария была запланированная, а экзамен я сдал на «хорошо». Но ужас от того, что мое «крыло» падает на жилые дома, я запомнил навсегда. Может, Он как-то ухитрился инициировать во мне это воспоминание?

А Хокусай тем временем продолжал говорить.

– ...В ужасе, в шоке, в депрессии... Не важно. И он заражал своим состоянием тех, кто оказывался поблизости, тех, входил с объектом в прямой зрительный контакт. Но только в прямой. В записи эффект полностью пропадает. Еще одна загадка.

– Танимура-сан, от чего Он умер? – спросил я.

– От чего Он умер, мы знаем, – сказал Хокусай. – Физиологическая причина смерти нам известна, пусть даже сам механизм разрушения мозговых тканей – еще одна загадка. Вопрос – почему?

– Почему? – автоматически повторил я.

– Наши аналитики считают: Объект психологически сломался. Его inferнальная печаль и иные негативные чувства, предположительно связанные именно с перемещением, достигли максимума – и мозг бедняги взорвался изнутри.

– Может, я был последней каплей? – Я пытался иронизировать, но Хокусай ответил совершенно серьезно:

– Может. Аналитики это допускают. И они очень рассчитывают на твою помощь.

– Разумеется, – сказал я, уже решив: ни слова не скажу о своих предположениях. Скорее всего, мне просто не поверят и прилепят ярлычок «расстройство психики». А если кому-то моя идея все же покажется интересной, то наши умники сделают все, чтобы превратить меня в образцовую морскую свинку. Ни тот, ни другой варианты меня, естественно, не устраивали.

– Разумеется, я постараюсь помочь. Но, Танимура-сан, я видел Объект лишь несколько мгновений. Может, стоит поискать лучших свидетелей? Например, работников комплекса. Да и записи у вас есть...

– Ты меня невнимательно слушал, Артём, – недовольно произнес специальный координатор. – Да, у нас есть записи. Сотни часов видеосъемки. Но их можно смотреть хоть сутки – без всякого вреда, если не считать утомления глаз. Той составляющей, от которой люди сходили с ума, информационные носители не зафиксировали. Ты – единственный живой, вернее, выживший контактер.

– Можно вопрос, Танимура-сан?

– Давай, майор.

– На Объекте был комбинезон. Он был на Нем с самого начала?

– Нет. Объект снял его с трупа одного из визитеров.

– Еще вопрос: в желудке Объекта обнаружили остатки растительной пищи. Его что, кормили?

– Нет. Он нашел продукты в подсобке бункера экспериментальной зоны.

– Все продукты – растительного происхождения?

– Не только. Замороженные бифштексы – тоже. Понимаю, к чему ты клонишь, – кивнул специальный координатор. – Ты обратил внимание на его клыки. Нет, несмотря на клыки, наши умники считают, что Объект не был хищником. У его кишечника другой набор ферментов.

– Важнее то, что он оделся и нашел еду, – заметил я. – То есть проявил намерение жить.

– Согласен. Однако Он все-таки не человек. Возможно, поиск пищи у Него – безусловный рефлекс. Возможно, это был механический процесс. Такой, как у тебя сейчас.

Он был прав. Сейчас я ел, не чувствуя вкуса пищи.

– Я удовлетворил твое любопытство? – осведомился Хокусай.

– Отчасти.

– Ты понимаешь, Артём, что ты – единственный, кто видел Объект воочию и способен об этом рассказать?

– Понимаю, – кивнул я. – Остается только выяснить, что именно я должен рассказать сверх того, что все уже слышали. Боюсь, мне придется согласиться на гипноз...

– Придется, – кивнул Хокусай. – И не только на гипноз. Я сожалею, майор, но ты сам понимаешь...

Я понимал. Но все равно перспектива не радовала.

Меня выпотрошили и высушили, как воблу. Всё выжатое из меня слили команде «умников» под командованием самого доктора Карло Праччимо, лучшего в «Алладине» специалиста по решению нерешаемых задач.

Но ни гипноз, ни прочие техники сканирования моей памяти не принесли значимых результатов. Не считая головной боли и легкой раскоординированности у исследуемого, то есть у меня, и глубокого разочарования – у моих психопрозекторов.

Впрочем, они не могли даже предположить, что я намерен скрывать нечто, имеющее отношение к «трехглазому пессимисту», как неформально окрестили Объект умники. Но я это сделал. Скрыл. Я умею. Любой разведчик это умеет: скрыть ту информацию, которую не

следует разглашать ни под гипнозом, ни под... иными воздействиями. Возможно, это было не вполне лояльно с моей стороны по отношению к «Алладину», но перед гипнозом я заблокировал не только личные воспоминания, но и кое-что еще. Конечно, любой блок можно «взломать», но это дело долгое, сложное и чреватое выходом из строя дорогостоящего механизма, коим является человеческий мозг.

Зачем я это сделал? Честно говоря, я и сам не знал. Интуиция, предчувствие, желание сохранить нетронутыми кое-какие еще не оформившиеся догадки... Не знаю. Но я это сделал. Я не поделился с ними своей догадкой-гипотезой. О том, что Он умер, потому что увидел меня.

За те три недели, что я проторчал на нашей базе в Океании, дело «трехглазого пессимиста» раскручивали с бешеной силой. Силы и средства, выделенные на него, были сравнимы с теми, какие в свое время были привлечены, чтобы раскрутить взаимосвязь между генными геронтологическими проектами и проявлениями феномена спонтанной деструкции. Дело раскручивалось... Но буксовало. Я подал рапорт с просьбой присоединить меня к группе Праччимо уже не в качестве «подопытного», а как полноправного сотрудника. В ответ на это меня выставили вон.

– Ты полевик, а не аналитик, – пресек Хокусай мою попытку принять участие в мозговом штурме. – Ты в официальном отпуске три года не был, так?

– Не был, – согласился я. – Но в отпуске я не нуждаюсь, господин специальный координатор. Если вы полагаете неэффективным использовать меня в аналитической работе, прошу задействовать меня в полевых операциях, господин специальный координатор!

Я обиделся. Я ведь в «Алладин» из Российской разведки пришел. И там тоже не при дверях с лазером стоял, а штабс-капитанские погоны носил на плечах. А у нас в России, в Департаменте внешней разведки, штабс-капитаны с оружием наперевес не бегают, даже в Управлении контроля внештатных ситуаций. Те, у кого извилины есть, ими и трудятся. И когда в «Алладине» по результатам тестов меня определили в «полевики», был весьма удивлен. Позже, правда, выяснилось, что в «поле» меня не за тупость сослали, а совсем наоборот. Потому что сочли перспективным для руководящей, то бишь координаторской работы. А путь в Координаторы лежал только через «поле» – таково было неписаное, но строгое правило. И я этому рад, потому что «полевик» «Алладина» – это лучшая из профессий. То есть это такая работа, после которой всё прочее в мире кажется пресным и бесцветным.

Короче, ни малейшего желания идти в отпуск у меня не было.

– Я в рабочей форме, господин специальный координатор! – металлическим голосом отчеканил я в лучших традициях Императорской военной школы. – Готов выполнить любое задание по «полевому» профилю!

Хокусай хмыкнул.

– Есть мнение, – сообщил он, – тебя от полевой работы временно отстранить. Желаете знать почему?

Я желал.

– Потому что ты у нас нынче единственный и неповторимый, как английская королева. И велено твоим драгоценным организмом не рисковать.

– А чем я рискую здесь, на базе? – осведомился я. – Из меня что, плохой аналитик?

Хокусай сощурил свои и без того сощуренные глазки и произнес ледяным тоном:

– Я не допущу перевода в аналитики полевого офицера твоего уровня без достаточно веской причины. Даже временно. Ты сам должен знать, майор: мышление аналитика и боевого командира отличаются принципиально.

Я это знал. В «поле» сплошь и рядом интуиция идет впереди разума. Потому что времени на размышление нет. Да, я это знал, но полагал, что мое подсознание не обидится, если я немного поработаю головой.

Но говорить я этого не стал. Начальство свою точку зрения высказало, а приказы не обсуждаются.

– Ты еще успеешь покоординаторствовать, Грива,– сказал специальный координатор Хокусай с еле уловимой грустью, и я немедленно вспомнил, что мой начальник был полевиком без малого семь лет. Пока на последней операции ему не отмахнули лазером обе ноги. Собственно, это было не так страшно. Лазер – не граната, отрезает чисто, даже кровь почти не идет. Так что ноги моему командиру пришили обратно с полным восстановлением функций, но...

Умники из отдела психологии решили, что временная потеря конечностей нанесла серьезную травму психике офицера и для полевых операций Хокусай уже не пригоден. Только для руководства этими самыми операциями. В строгом соответствии с патологическим правилом: «Кто может делать, делает; кто не может – учит, как делать; кто не может ни делать, ни учить, учит, как учить».

Так и стал подполковник Хокусай координатором Хокусаем. Склонен думать, что он не слишком радовался повышению.

Не больше, чем я, когда получил наконец возможность обмыть свои майорские эполеты. И отбыть в отпуск.

Одно утешение: в Санкт-Петербурге стоял славный месяц июнь, а дома я действительно не был давно. Три года.

Глава шестая ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

Артём Грива

Да, все верно, дома я не был уже года три. Со времени референдума по поводу переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Бредовая идея, порожденная московскими финансистами, надеявшимися вывести из-под удара «ифрита» свои вотчины. Кто-то из прикормленных академиков родил «свежую» мысль, что «феномен спонтанной деструкции» чаще проявляется в официальных столицах, чем в провинциальных городках. Разумеется, я голосовал против переноса. Царский двор и так располагается у нас, в Петергофе, равно как и резиденция патриарха, переместившаяся в Александро-Невскую лавру одновременно с восстановлением монархии.

Зато федеральному правительству, думским законодателям, олигархам и лично господину премьер-министру в Москве самое место. Вместе с прорвой представителей субъектов федерации, товарищей министров, помощников депутатов и прочей шушеры.

Санкт-Петербург дружно голосовал против. Что интересно, против проголосовала и Москва. Вопрос закрыли.

«Северный беркут», гражданское стратосферное «крыло» последней модели за неполных три часа принесшее меня из Токио, плавно опустилось на обожженный пламенем бетон Пулково-3. Д'ома!

Пограничник, глянув на данные моей карточки, взял под козырек и осведомился, есть ли у меня багаж, подлежащий специальной охране. Багажа у меня не было вообще, и пограничник, сама любезность (как приятно снова оказаться на Родине!) заказал для меня вертушку из служебного резерва. Движущаяся дорожка неторопливо пронесла меня сквозь анфиладу огромных, почти пустых залов ожидания к шеренге прозрачных капсул-лифтов, один из которых вознес меня на крышу аэропорта. Там с помощью ключа-маячка я отыскал свою вертушку, уселся и скомандовал: «В город. Маршрут позже».

Вертушка плавно, как и подобает гражданской машине, набрала высоту. Проплыли внизу серебристые решетки погодных стабилизаторов.

– Быстрее!

Нырок через мерцающие вуали рекламных гало, стремительный полет над лесным массивом экологической зоны – и прямо перед нами двухсотметровое объемное полотнище: «Санкт-Петербург».

Я дал команду сбросить скорость, врубил гида, начертил пальцем желаемый маршрут на схемокarte и принялся вертеть головой, высматривая перемены.

По счастью, «ифрит» в моем городе пока (постучим то твердому!) не чудил: все дворцы стояли на месте. Гид сообщил: предельную высоту полета опять увеличили. В черте – до восьмидесяти метров. Без визора пешеходы и маленькие городские электромобильчики казались чуть больше насекомых. Вроде бы электромобильчиков стало меньше. А геотермальных вышек в Финском заливе – больше. Последнее – наверняка. Свойство всякой техногенной цивилизации – неуклонный рост потребления энергии.

Кратчайший путь к моему дому пролегал через Центр, но над Обводным каналом гид по крутой восходящей дуге увел вертушку вправо. Центр, еще при жизни моего деда превращенный в исторический комплекс, для личных вертушек заказан. Равно как и для любого частного

наземного транспорта, исключая тот, что ходит на четырех ногах. Одно из ярчайших воспоминаний детства – гордо цокающие по мостовым громадные лоснящиеся кони с мешочками под хвостами. Года в два я самостоятельно решил вопрос о назначении этих мешочков и был горд необычайно.

Пиликнул визор. На экранчике прорисовался мой американский дядюшка Фрэнк Разумецки, имеющий два серьезных недостатка: несносную настырность и супружеские отношения с моей троюродной теткой. Впрочем, не будь второго недостатка, первый бы меня тоже не беспокоил.

Когда я «при исполнении», все бытовые звонки фильтруются Службой, в отпуске же – увы!

– Артём! Как ты поживаешь? Нормально? Совсем забыл нас, да? А вот...

Дядюшка Фрэнк нудил минуты две, после чего я его довольно невежливо прервал и отключился, пока он не успел испортить мне удовольствие от возвращения домой.

Приняв на себя управление, я описал полукруг, насладился видом и, уронив вертушку на высоту маковки Исаакиевского собора, послал аппарат на север, в сторону Шуваловского парка. Там располагалось наше «родовое гнездо», двухэтажный коттедж, сварганенный в начале века моим прадедушкой-бандитом. Кроме коттеджа от прадедушки остались коллекция оружия, полуторакилограммовая золотая цепь и около трехсот тысяч долларов, то есть примерно столько, сколько получает стажер «Алладина» в год. Не в долларах, разумеется, а в более твердой валюте. Коллекция оружия по нынешним временам стоит намного дороже, тем более что батя мой, заядлый коллекционер, изрядно ее пополнил. Возможности у него были: известный археолог, связи по всему миру, при деньгах опять же...

Это дядюшка Фрэнк подвиг меня на мысли о деньгах. Их богадельню вот-вот закроют, дядюшка спит и видит в каждом сне мою алладиновскую кредит-карту. И дядюшка Фрэнк с истинно американским простодушием делится своими снами со мной. Не забывая напомнить, как необходим Приют и как трудно приходится «нашим бездомным братьям». Дядя Фрэнк, к счастью, совершенно не представляет специфику моей работы, которая, как правило, заключается в отрывании голов «братьям», не в меру расшалившимся.

Вертушка, разрисованная в стиле жар-птицы (неужели опять вошел в моду?), догнала меня и зависла метрах в десяти.

Опять пиликнул визор. Я инициировал «ограниченный прием». Если это опять дядя Фрэнк...

На дисплее проявилась картинка: симпатичное личико с надписью: «Меня зовут Настя, и я очень люблю танцевать».

Понятно, жар-птица.

– Настя, ты – прелесть, – сказал я. – Но сейчас не могу. Увидимся.

– Увидимся, – ожив, ответило личико, улыбнулось, и «жар-птица» отвалила искать более сговорчивых, а может быть, более молодых людей.

Мелькнули внизу знакомые озера в окружении высоченных многоэтажек, увитых гирляндами висячих садов, с неизменными овальными бассейнами на зеленых лохматых крышах. Я помнил, как их строили. Помнил, как заполняются жилыми сотами металлические каркасы, словно обрастающие плотью скелеты динозавров. Пацанвой мы любили запрыгнуть на транспортер, поднимающий рыхлую, вкусно пахнущую землю, зарыться поглубже, чтоб не заметили и, взлетев вверх, на пятидесятиметровую высоту, выпасть на кучу грунта, а потом удирать со всех ног, пока не прихватили рабочие-операторы. Как нас драли за эти развлечения!

В озере, вдоль стены старинного кладбища, огромными буйками блестели вскрытые вертушки. Пустые. Головы их хозяев торчали из воды, а за головами зорко следили спасательные автоматы, стремительные двухвинтовые машины, способные мигом выдернуть тонущего неумеху хоть с самого дна. Еще лет двадцать назад вместо них вахту на обычных вертушках

несли живые весельчаки, чье чувство юмора не всегда воспринимали окружающие. Которые могли и морду набить за «усердие». Впрочем, я не помню, чтобы в озерах кто-то тонул.

Многоэтажек тоже прибавилось. Увлечение отдельными домами в России не привилось. Пришло и ушло. Так же, как в Японии. Есть народы, которые любят жить кучей.

Не к месту вспомнились такие же «сотовые» дома в Сеуле, после того как там поработал «ифрит». Черные мертвые каркасы, развалины, многометровые горы обломков. На спасательные работы бросили всех, кого могли. Даже нас, привилегированных «алладинов». Никаких добровольцев, поскольку наши аналитики не сумели распознать источник, и «ифрит» вполне мог начать по второму кругу. Прецеденты были. Источник установили через месяц, рецидива не было, но спасти удалось всего несколько тысяч. Погибло раз в сто больше. Самая крупная катастрофа за последние десять лет.

Дома никого не было. Над дверью помигивал желтый зрачок охранной сигнализации. Родители, как обычно, шатаются по шарiku. Где-то что-то копают. Археология, история, палеонтология... От имен этих наук лица моего начальства озаряются по-детски счастливыми улыбками. Вот уж где «ифритом» и не пахнет!

Тут я вспомнил «трехглазого пессимиста», которого «вытащили» как раз из прошлого, и мысленно уточнил: «Пока не пахнет».

Все, больше ни одной мысли о работе! Я в отпуске, черт возьми!

Глава седьмая ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА

Артём Грива

Этот дом дед подарил моим родителям, когда родился я. Сам он к этому времени уже давно жил в Петродворце, но до моего рождения они с отцом не очень ладили.

Батя здорово разочаровал деда, когда после окончания Высшей Административной школы поступил на исторический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Людми дедовой закваски это воспринималось как предательство. Сам дед был одним из первых выпускников Специальной Петербургской Высшей школы, позже, после восстановления монархии, переименованной в Императорскую и разделенной на Административную и Военную.

В последней имел честь обучаться и я. Мое вступление в команду «государевых орлят» было компенсацией за отвергнутый отцом мундир государственного чиновника. Но я не в обиде. Время учебы – не худшее время в моей жизни, а профессия кадрового офицера – это лучшая профессия для мужчины. Во всяком случае для меня.

Правда, с точки зрения деда, я тоже «свернул на кривую дорожку», когда из службы внешней разведки ушел стажером в «Алладин». Несмотря на то, что сей переход произошел с «Высочайшего соизволения» и, как было отмечено в моем деле, «в интересах государства».

Непосвященный может подумать, что я так и остался разведчиком, внедренным в международную силовую структуру. Но тому, кто хоть что-то понимает в нашем деле, очевидно: ни один агент не выдержит проверочного прессинга «Алладина». Да, я люблю свою Родину, однако как офицер Комитета защищаю не только Россию, но и все человечество. И полагаю, что это правильно... Но только не с точки зрения моего деда. Для деда Россия – всё. Альфа и омега. Остальное пусть хоть в тартарары провалится. Ну, может быть, кроме Японии. Причем не потому, что там родилась его теща, а потому что Острова – ближайший и самый верный союзник России. В Школе нам раз пятнадцать показывали Торжественную Церемонию Возвращения Сахалина и Курил. (Всё – с Большой Буквы.) Это чтоб мы, будущие защитники России, понимали, кто есть наш настоящий друг. В Японии, насколько я знаю, тоже очень любят демонстрировать по гало это событие. Если и есть в мире большие любители церемоний, чем мы, русские, то это, безусловно, японцы. Забавно и смещение акцентов.

Островитяне:

Вот мы какие честные! Кончился срок аренды, и мы день в день передаем все нажитое непосильным трудом своим русским друзьям.

Мы:

Вот у нас какие честные друзья! Кончился срок аренды и они... и так далее.

Происходило это еще при жизни Регента, но на церемонию Регент не приехал. Выступил по гало, поздравил, так сказать, народы. Уж он-то понимал: никакого массового исхода японцев с Курил и Сахалина не предвидится. Как жили, так и будут жить. Вместе с русскими, которых тоже при передаче островов Японии никто не выселял. Ну да, налоги теперь будут собирать не для Японии, а для России, но от этого населению только прибыток, поскольку налогообложение у нас помягче. Да и прав у федератов побольше, значит, свободы у местного самоуправления прибавится. Впрочем, то, что кажется очевидным для нас (к примеру, соблюдение международных договоров), вполне возможно, было менее очевидно для предыдущих поколений. А такие, как мой дед, отдадим им должное, и вытаскивали Россию из той мусорной

ямы, в какую последовательно спихивали несчастную страну мои более отдаленные предки в течение целого века.

Пока я размышлял о возвышенном, охранный детектор заглотил мою личную карту, и «домовой» отпер дверь под аккомпанемент гремящих фанфар. Фанфары – наверняка привет от бати. Я прервал звуковые «домового» и потребовал обед в стиле грузинской кухни, ванну, прикид, соответствующий нынешней молодежной моде, и связь с тремя моими однокашниками, предположительно обретавшимися в Северной столице. Затем скинул одежду в приемный ящик и пошлепал по лестнице на третий этаж, куда неумная фантазия моего прадеда забросила совмещенный с солярием минибассейн. С ума сойти! Были когда-то люди, полагавшие, что можно загорать под нашим бледным солнцем. А ведь тогда даже погодных стабилизаторов не было!

Много чего не было тогда! Плавая в пузырящейся воде, я позволил себе расслабиться и поразмышлять не о делах насущных, а о причудливых витках истории. В частности, о человеке, которого мои школьные учителя с пафосом именовали Спасителем России, хотя в те годы народ уже звал его просто Регентом.

Позже, знакомясь с работами не отечественных, а зарубежных историков, работами, значительно более холодными по отношению к Виктору Александровичу Кондратьеву, я пришел к выводу, что мои школьные наставники не так уж далеки от истины. Кондратьев действительно вытащил страну из оч-чень глубокой задницы. Другое дело, что он заодно вытащил на гребень бессмертной славы и власти себя самого и своих потомков. Но по заслугам, черт возьми! И когда он умер, оплакивал его весь народ. Впрочем, главное не в том, кто кого оплакивал, а в том, что после смерти Регента страна и на минуту не сбилась с его курса. Вот это в самом деле рука гения.

– Доставлен обед! – торжественно изрек «домовой».

– Пусть оставят внизу.

– Не положено, – возразил «домовой».

В отличие от меня, он в курсе всех сервисных новшеств.

Чертыхнувшись, я накинул халат и пошлепал вниз.

Внизу я обнаружил тоненькую высокую девчущку лет пятнадцати-шестнадцати в сарафане, с льняной косицей, обернутой вокруг головы, и в фартучке с бисерной надписью: «Народная кухня». Девчущка весело болтала с кем-то по моей визуалке. Меня удостоила лишь мимолетным взглядом.

– Ваш заказ, сударь.

– Я заказывал грузинскую кухню! – заметил я. – Русскую я собираюсь опробовать вечером.

Девочка одарила меня еще одним взглядом, улыбнулась, продемонстрировав ямочки:

– Вы, наверное, давно дома не были, сударь? Мы готовим все национальные кухни.

– Так уж и все? – я приподнял крышку одного из контейнеров.

Восхитительный аромат харчо взмыл к моим ноздрям.

– Если пожелаете, могу накрыть стол, – предложила девчущка.

– А составить компанию?

– Не положено. Где вы желаете обедать?

– В столовой. «Домовой», проводи.

На ковер прыгнул лазерный «зайчик» и заскользил в столовую.

Я поднялся вверх, быстренько переоделся в предложенные «домовым» рубашку и шорты. Белые, без выкрутасов.

Когда я спустился вниз, девушка уже накрыла стол и любовалась украшающей стены оружейной коллекцией.

– Нравится? – спросил я.

– Ничего. Старомодно, конечно, но забавно. Вы археолог, сударь?

Эдак несколько свысока. С милой надменной улыбочкой. Верно мой дед вещает вот уже лет тридцать: нет у нынешней молодежи почтения к старшим.

– Нет.

– Журналист?

– Тоже нет. Я офицер.

– Да? – В глазах зажглись искорки интереса. – И в каких чинах?

– Недавно дослужился до майора.

Искорки погасли.

– У меня папа – полковник. Но вы, сударь, еще не очень старый. Вы еще выслужите хороший чин.

Этакая рассудительная малявка.

– Майор – это хороший чин, – я усмехнулся. – В моей службе.

– Жандармерия?

Папа-полковник, видно, кое-чему научил дочку.

Я не удержался, прихвастнул:

– Нет. «Алладин».

– О!

Ротик приоткрылся, глазенки вспыхнули. Готов поклясться, она уже жалела, что отказалась со мной пообедать.

– Вы превосходно сервировали стол, сударыня! – утешил ее я. – Надеюсь, мой следующий заказ также доставите вы?

– Я тоже надеюсь! – Ямочки опять заиграли на щеках. – Приятного аппетита, сударь! – и пошла по дорожке к увитым плющом воротам, выпрямившись стрункой, покачивая бедрами и явно стараясь произвести на меня впечатление. Может, рассчитывала, что я ее окликну?

«Спокойно, Грива! – приказал я себе. – Не к лицу тебе соблазнять молоденьких девочек при исполнении».

Надо, кстати, подстроить охранную программу. Родичи, конечно, не станут просматривать, хм-м-м... конфиденциальную информацию, но на всякий случай лучше установить команду-запрет. Хватит того, что меня алладиновская система безопасности пасет!

За воротами зажужжал мотор электромобиля: девушка с льняной косой поехала к следующему заказчику. Тут же со двора особнячка напротив раздался собачий лай. Недовольный мужской голос велел псу заткнуться. Было время, когда я был знаком со всеми, кто жил на этой улице. А когда я работал в Управлении, то был не просто знаком с соседями, а мог в любую минуту запросить в Первом отделе подробнейшее досье на любого из них, поскольку я, сотрудник Русской разведки, являлся секретоносителем государственного уровня, а проверка окружения входила в стандартный комплекс мер безопасности.

Будучи офицером «Алладина», а стал секретоносителем «планетарного», если можно так выразиться, уровня. Но теперь мою безопасность защищала вся информационная сеть «Алладина», и я мог «не париться» (как выражался мой дед) по поводу собственной безопасности. Надеюсь, что так. Я погладил браслет-коммуникатор на правой руке, повернулся и направился в гостиную. Входная дверь за моей спиной беззвучно затворилась, отрезав все внешние звуки.

Ел я торжественно. Вкушал, а не ел. Хоть в одиночестве, зато в родовом гнезде. В баре обнаружилась бутылка «Мукузани» урожая 2012 года. Надо же! Такое мрачное было время, а кто-то в раздираемой междоусобицами Грузии разливал по бутылкам коллекционное вино и

посылал в Петербург, где большинство населения не могло себе позволить и паршивой рыбной котлетки.

Год две тысячи двенадцатый от Рождества Христова был воистину годом траура для России. После краткого периода улучшения в начале века власть окончательно перешла в руки нефте-газо-олигархов. Производители были задавлены. Промышленностью правили безграмотные государственные чиновники, которых московские политики подбирали по принципу глупости, жадности и личной преданности. Сами политики лизали ботинки Америке, Китаю, Евросоюзу, всем подряд, выпрашивая кредиты, которые тут же сливали обратно, но уже на собственные счета. Половина населения России забыла, как выглядят настоящие деньги, и была готова отдавать свой труд за пачку макарон, а голоса – за бутылку подсолнечного масла. Второй половине отдавать было уже нечего. Только тихо умирать. Количество сектантов и других сумасшедших в одном только Санкт-Петербурге исчислялось уже сотнями тысяч. Оставшиеся в стране ценности и средства мощным насосом втягивались в Москву, где около миллиона мелких и крупных политиков (большинство – купившие мандаты преступники, не имеющие никакого представления о том, как управлять) поспешно вывозили в Европу все, что можно вывезти. Страна рассыпалась: на востоке правили китайские триады, федераты один за другим объявляли о своей независимости, а из столицы им только грозили пальчиком, потому что ни авторитета, ни настоящей армии у Власти уже не осталось. Правда, «уходящий» Президент, понимая, что лично ему тоже хорошего ждать не приходится (как в воду глядел: его «сменщик» с ходу приказал арестовать предшественника), изо всех сил старался накачать мускулы. Поставил на ключевые посты в силовых министерствах людей молодых и энергичных, объявил об отмене всеобщей воинской повинности и увеличении втрое жалования контрактников. Но Президенту практически не на кого было опереться. Всех относительно порядочных и толковых политиков и администраторов попросту перестреляли. Остались только те, кто эти убийства заказывал. Страна обростала опухолями международных кредитов, проценты от которых вдвое превысили валовой национальный доход.

Никого особенно не удивило, когда на внеочередных президентских выборах победил лидер КПРФ. Победил под лозунгом «Россия для русских», позаимствованном у прикормленного КПРФ блока национал-социалистических партий. Победил с приличным перевесом в двадцать два процента, правда, при семидесяти шести процентах воздержавшегося или отстраненного от выборов населения.

Через час после вступления в должность новый Президент объявил о полной национализации промышленности, банков, средств массовой информации, торговых компаний, газа, леса, нефти, золота и вообще всего. Вторым декретом Президент объявил о восстановлении единого и неделимого Советского Союза. А буде кто воспротивится – получит ядерным в пятяк. Третий декрет запрещал хождение в стране любой валюты, кроме в очередной раз деноминированного рубля, а также отказ от всех долгов зарубежным кредиторам. Президент также пообещал, что все виновные в нынешнем бедственном положении скрытые и явные империалисты, сионисты, масоны, буддисты, католики и прочие не-русские, а также русские, продавшиеся мировой буржуазии, будут, цитирую, «строго наказаны расстрелом». Когда же все внутренние враги будут истреблены и внешние «поставлены на место», наступит всеобщее благоденствие.

Первыми на заявление Президента отреагировали американцы. Отреагировали в уже привычном для них в те времена «стиле "томагавка"», с помощью которого вот уже двадцать лет одну за другой подминали под себя «сырьевые» страны, к которым тогда относилась и Россия. Провокационное (и не исключено, что американцами же проплаченное) заявление «Коммуниста» было отличным поводом для начала очередной оккупационной кампании. Это был их «фирменный» стиль: сначала высосать из страны все что можно экономическими и поли-

тическими средствами, довести ее народ до состояния «хуже некуда», посадить в «главное кресло» страны провокатора или просто дурака, а затем, «на законных основаниях», осуществить «освободительную» оккупацию, перейдя от контроля экономического к контролю административному.

Безупречная схема, отработанная уже на двух десятках стран.

«Если Россия не желает возвращать долги Международному (читай – американскому!) валютному фонду – Америка вправе получить их самостоятельно. И ни одна русская ракета с ядерной начинкой не упадет на территорию Соединенных Штатов и их союзников! – бахвалился очередной американский актер-президент. – Нет у России носителей, способных потягаться с американскими орбитальными перехватчиками».

Как специалист, я не мог не восхититься развернутой геополитической экспансией США тех лет. Международная империя расширялась, пожирая всё новые и новые земли. Запад-Европа пищала, но ничего не могла сделать. Ближний Восток стал протекторатом США. Дальний Восток... Ну да, Китай мог бы стать центром противодействия, но не стал. Китай рассчитывал, что к тому времени, когда Штаты закончат подминать под себя планету, в самих Штатах большинство будет принадлежать этническим китайцам.

Но Китай просчитался.

США, поднатревшие в «законном» нарушении международных законов, использовали накопленный опыт внутри страны и, наплевав на собственную конституцию и неизбежный кризис экономики, решили проблему китайского лобби, бесцеремонно лишив гражданства и вышвырнув из страны всех этнических китайцев, натурализовавшихся позже двухтысячного года. И это при том, что в то время не только три четверти импортируемых в страну товаров были китайскими, но и восемнадцать процентов частных предприятий в стране тоже принадлежали этническим китайцам.

Китай стерпел, полагая, что его время, пусть не так скоро, как хотелось бы, пусть не через тридцать лет, а через сто, но непременно придет. А вот американские политики намерены были закончить «объединение мира под флагом закона и демократии» в течение ближайшего десятилетия. Китай в этом «объединении» стоял в самом конце списка, сразу же после Индии. Россия – в самом начале. Так что в очередной раз поправив свою экономику за счет «партнеров», американцы начали следующий раунд «борьбы за мир, демократию и права человека».

Под «человеком» подразумевалась самая сильная мировая империя, под «демократией» – ее право брать все, что приглянется, а под «миром» – территория планеты, еще не ставшая колониальным придатком США.

Итак, президенту-коммунисту предлагается проглотить свое наглое заявление и прибыть в Вашингтон униженно молить о снисхождении. Стоимость «снисхождения» ему будет объявлена позже. Если же российский лидер будет продолжать дурить – пусть пеняет на себя. Срок на раздумья – две недели.

Однако стягивать войска к границам России американцы начали за двенадцать часов до официального объявления ультиматума.

Тем не менее «Коммунист» был готов пенять.

«Империалистам меня не запугать!» – провозгласил он и объявил всеобщую мобилизацию.

Дед рассказывал: у них на старших курсах одной из самых модных тем рефератов по психологии был анализ поведения «бесстрашного» «Коммуниста». Будущие военные и политики пытались определить: был ли «храбрец» непроходимо туп или же являлся агентом влияния заокеанских «демократов». Большинство курсантов склонялось к первому варианту. Как было на самом деле, дед так и не узнал. Даже когда в силу своего положения получил доступ к самым секретным архивам. Поэтому я как специалист в области работы с «агентами влияния» склонен был предположить второй вариант.

Так прошло три дня. Мужчин призывного возраста силком стогнали в военкоматы, на улицах гремели бравурные марши, буханка хлеба стоила два евро, а по спутниковым каналам гнали проамериканскую пропаганду: взлетающие с авианосцев бомбардировщики, а чуть позже – улыбчивые американские десантники, раздающие с бронетранспортеров бесплатные консервы «освобожденному» населению.

Успевшие набить руку в территориальных войнах в Европе, Азии и Африке американцы работали по стандартному сценарию. То, что на сей раз намечалось оккупировать ядерную державу, их не смущало.

«Русские ракеты не покинут шахт!» – объявил миру и народу президент США. – Русский медведь одряхлел и больше никогда не вылезет из берлоги!»

Президент сидел в Овальном кабинете уже четвертый срок (в Конституцию внесли соответствующую поправку), так что можно было не сомневаться: американский народ ему вполне доверяет.

«С этими русскими всегда были проблемы, – сказал президент. – Потому что их лидеры лишили их понимания того, что есть истинные ценности. Мы дадим русским новых лидеров. Мы принесем факел свободы в дикие сибирские леса!»

«Мы никому не позволим вмешиваться в наши внутренние дела! – заявил "Коммунист". – Агрессоры получат подобающий ответ!»

Никто так и не узнал, какой именно ответ готовил сильнейшей в мире армии свежеепеченный правитель России, потому что это был последний день его правления.

До сих пор для нас, специалистов, остается загадкой, каким образом удалось провести эту операцию. Новоизбранный повелитель России первым делом позаботился о своей безопасности, набив Кремль под завязку партийными боевиками. Боевики были сплошь качественно обученные и принадлежали к разным фракциям. Оклады им положили совершенно фантастические, причем в запрещенной «зеленой» валюте. А уж личную охрану Президент набрал из самых проверенных и фанатически преданных. Как удалось не только добраться до товарища Президента, но и вывезти его из Кремля, по сей день не известно.

Когда я еще служил в Департаменте внешней разведки, типичным развлечением младших сотрудников Управления контроля внештатных ситуаций было моделирование этой акции. И ни одна модель не была работоспособной, потому что подготовительный период занимал около полутора лет. А тут все было проведено за три дня. То есть либо существовали некие факторы, о которых по сей день никому не известно, либо акцию планировал гений, сумевший, несмотря на царивший тогда хаос, предвидеть или направлять развитие событий и свести все задействованные силовые векторы в нужное время в нужной точке. Лично я склоняюсь ко второму варианту. Ведь все мы знаем, кто организовал саму акцию.

Потому что днем позже именно в его обществе и предстал перед своими избирателями на экранах телевизоров (гало тогда еще не было) «товарищ бывший президент». Гения звали Виктор Александрович Кондратьев и до прихода к власти «Коммуниста» он был министром Управления Государственной безопасности.

Вообще-то организаторов было трое. Кроме Кондратьева в триумvirат входили министр обороны, которого «Коммунист» еще не успел сменить, и министр внутренних дел, уже отстраненный и знавший, что местечко в «Матросской тишине» ему приготовлено.

Ко времени, когда похищенный президент появился на экранах, подразделения, подчиненные триумvirату силовых министров, уже взяли под контроль все, что требовалось взять. Задача значительно облегчилась благодаря объявленному военному положению. Кремль же, где сконцентрировались сторонники «Коммуниста», был оцеплен и изолирован от внешнего мира посредством новейшей японской электроники, переброшенной специально для этого

эскадрилей базировавшихся на Дальнем Востоке дальних бомбардировщиков. Но о Японии позже.

Явленный народу «Коммунист» каялся. Каялся в том, что сразу же по воцарении перевел пятьдесят миллионов долларов на свой личный счет в одном из австрийских банков, каялся в том, что обещал оплачивать услуги сторонников в запрещенных евро, каялся, что три его внука вполне призывного возраста, вместо того чтобы быть мобилизованными в армию, как иные-прочие военнообязанные граждане, продолжали учиться в «классово чуждой» Сорбонне. Собственно, эти вполне обычные для правителя действия особого вреда стране не принесли. Он планировал мероприятия куда более свирепые. Список людей, подлежащих немедленной ликвидации, исчислялся сотнями тысяч, и готовились эти списки не один день и не один год. Но об этом не было сказано ни слова, поскольку расстрел богатых и сильных греет сердца маленьких и слабых. Иное дело, когда провожаешь на смерть собственного внука, в то время как внук обреченного на смерть президента попивает шампанское с французскими путанками.

В общем, «Коммунист» покался, отрекся и исчез с политической сцены. Кремль окурили паралитическим газом, которому не помеха стандартная противопогазная коробка, выволокли бесчувственные тушки, рассортировали: кого в расход, кого на перевоспитание. Затем частично реализовали коммунистические «расходные» списки. Опять-таки: кого-то приставили к делу, кого-то отправили в лучший мир. Как в этих разборках уцелел мой бандит-прадед, я понятия не имею. Но уцелел. Должно быть, согласился играть по новым правилам. Или его не сочли достаточно значимым. Средний слой криминальной мафии отстреливали выборочно. Нижний практически не тронули. С ними позже разобрались реорганизованные правоохранительные органы. А вот верхушку мафии выкосили начисто.

Ладно, «силовики» взяли власть, заполучили поддержку народа, который еще предстояло накормить... А что дальше?

А дальше триумвиры объявили: никаких национализаций, никаких валютных ограничений и массовых мобилизаций. Никаких насильственных «воссоединений Украины с Россией», которого ждут не дождутся три американские десантные дивизии, четыре дня назад переброшенные под Харьков. Никакой агрессии со стороны России. Никаких катаклизмов. Все проценты по российским долгам будут выплачены в срок. Но...

Но только тем странам, которые в трудный для России период вели себя корректно. То есть всем, кроме США.

Мир удивился.

Еще больше он удивился, когда новое правительство России ни с того ни с сего вдруг заключило договор с Японией. И не просто договор, а долговременный оборонительный стратегический союз. Полуразвалившийся колосс и маленькое островное государство с игрушечной армией. И это – на фоне широкомасштабной подготовки к вторжению, которую, не скрываясь, вела сильнейшая в мире держава, вот уже более полувека числившая Японию своим «союзником», не забывая, впрочем, облагать дешевые японские товары чудовищными пошлинами.

Мир был поражен. С Россией-то все понятно. Ей была уготована судьба Ирака, Ирана, Саудовской Аравии и прочих держав-сырьевиков. Ей особо терять нечего. Но Япония... Страна с самым высоким уровнем жизни!

Американский президент сделал «союзнику» публичный выговор: не балуй, мол, а то выпорю!

Япония выговор проигнорировала. Единственная страна, использующая бесплатную геотермальную энергию, не нуждающаяся в химических энергоносителях, Япония экономически почти не зависела от контролирующей нефтяной рынок Америки. Разумеется, США, не способные задавить Японию экономически, могли использовать и грубую силу... О чем вполне недвусмысленно и сообщил островитянам хозяин Овального кабинета. Но Япония опять не

испугалась, а более того, заключила с Россией соглашение, по которому потомкам самураев на тридцать лет передавались в аренду Сахалин, Курильские острова, а также еще кое-какие дальневосточные территории, формально еще принадлежащие России, но уже давно «окучиваемые» Китаем.

Китай отнесся к этому договору нейтрально. Он, как и весь мир, был убежден, что независимая Россия доживает свои последние дни. А если Японию вышвырнут с американского и европейского рынков, китайские товары немедленно займут освободившееся место...

Китайцы ошиблись. И весь мир – тоже. Ровно через двенадцать часов после ратификации русско-японского договора российское МИД направило США ноту с требованием в течение двадцати четырех часов отвести свои вооруженные силы от российских границ, как морских, так и сухопутных.

США эта нота очень развеселила...

Веселье кончилось, когда по истечении указанного срока вышли из строя сто девятнадцать из ста двадцати пяти американских спутников, контролировавших территорию России, а один из американских крейсеров, самонадеянно вошедший в русские территориальные воды в Белом море, был уничтожен ракетой с тактическим ядерным зарядом.

Шум поднялся неимоверный. Весь американский народ как один человек поднялся против «агрессора»! Казалось, вот-вот вся мощь первой страны мира обрушится на Россию... Но не обрушилась. Следующая российская ракета, на этот раз баллистическая, плюхнулась в грязную воду Гудзона. В этой ракете не было взрывчатой «начинки», но даже самый тупой американский налогоплательщик понял, что деньги, которые в течение последних десятилетий выкачивало из него правительство на создание «ядерного зонтика», потрачены зря. Системы американского ПВО так и не заметили «гостинца».

Как позже выяснилось, виновата оказалась японская электроника, установленная в системах слежения. То есть не то чтобы виновата... Просто на русских системах тоже была установлена японская электроника, но – следующего поколения.

Выяснилось также, что потомки самураев уже давно копили обиду на дядю Сэма. Гигантские пошлины на японские товары в Америке и всех подконтрольных США странах; проведенный через ООН запрет на использование дешевой геотермальной энергии (патентодержателем метода была Япония); поддержка конкурентов Японии на азиатских рынках, национализация (под совсем смешными предложениями) нескольких крупнейших японских концернов на территории США...

В общем, за три года до описываемых событий Япония провела совершенно секретные переговоры с правительством России и подписала с Россией секретный договор о перспективном сотрудничестве. Мне даже трудно представить уровень «камуфляжа», позволившего спрятать от посторонних глаз подобный документ. Речь идет не о новоизбранном «Коммунисте», а о международных спецслужбах, чьи агенты паслись в России, как коровы на лугах. Еще один бонус генералу Кондратьеву, который и подписывал этот договор от имени России.

И США пошли на попятный. Впервые с тех пор, как распался Советский Союз.

Конечно, Пентагон еще долго надувал щеки и грозно брызгал слюной, но войска от границ России убрал и даже не ввел эмбарго на японские товары.

Сейчас трудно представить, насколько велика была эта победа и насколько велика была власть США, контролировавших прямо или косвенно шестьдесят процентов освоенной территории планеты и девяносто процентов мировых запасов энергоносителей. Но это сейчас, когда нефть стоит три евро за баррель, а общее число геотермальных вышек составляет несколько миллиардов. Ах если бы США знали тогда, что в распоряжении России были всего две (!) ракеты, «неуязвимые» для их систем ПВО! (Каждая ракета стоила дороже ракетного крейсера!) Если бы они только знали, что лежит в подводной части айсберга, которым был русско-япон-

ский договор и о который вдребезги разбился могучий линкор американской геополитики... Но они не знали. И это еще одно доказательство гениальности будущего Регента.

Я допил второй бокал и не без сожаления закупорил бутылку. Возможно, мне сегодня еще придется полетать, а если «болван» вертушки учует лишние промилле алкоголя в моей крови, то фиг допустит меня к управлению. А я люблю рулить, а не пальцем по карте елозить.

Все-таки дома хорошо. Птички за окном цвиринькают знакомо так, ненавязчиво, по-домашнему. Воздух нежный, живой, прохладный... Без всяких кондиционеров. Тишина...

– Артём Алексеевич, – бархатным голосом пропел домовый. – Ваши батюшка с матушкой вас приветствуют и желают приятного отдыха! Их контактный код – в памяти коммуникатора.

– Спасибо, дорогой.

Его «сторожевую» программу настраивала мама, так что о моем возвращении было немедленно доложено «по инстанции». А теперь мне вежливо дали понять, что блудному сыну, вынырнувшему из «сумеречной зоны» высшей секретности, не худо бы и родителям позвонить.

Я спихнул посуду в раструб мусоросборника и отправился вниз, в гостиную (там – самый большой визор) – общаться с родителями, судя по коду, обретавшимися где-то в Центральной Африке. А заодно деду позвонить. Пусть его высокопревосходительство господин действительный тайный советник выкроит из своего расписания пару часов – на общение с родным внуком.

Глава восьмая

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

С родителями, копавшими что-то по ту сторону экватора, Артём связался без проблем. А вот с дедом, пребывавшим, можно сказать, под боком, пообщаться не удалось. Грива-самый-старший пребывал на заседании какого-то думского комитета и велел связываться с ним только по первому списку. В «первом списке» деда были все члены Императорского совета, несколько премьер-министров и, разумеется, Его Величество Государь. Внука в списке не было.

Артём оставил для деда сообщение, взобрался на плоскую часть крыши особняка, улегся на пластиковый коврик и стал смотреть, как прыгают огоньки на выведенной вровень с крышей панели геотермального щупа, установленного еще во времена прадеда и вот уже полсотни лет исправно выжимавшего электроэнергию из разницы температур между поверхностью и подземными глубинами. Во времена прадеда это было модно: поставить во дворе персональную геотермалку. Модно, престижно и очень патриотично, поскольку именно геотермалки были подводной частью айсберга, коим являлся союзный договор между Россией и Японией. А платой за аренду Курил было обязательство Японии установить на территории России миллион геотермальных вышек.

Проблему дешевого извлечения геотермальной энергии никто специально не решал. Само как-то решилось, когда команда американских физиков (сплошь выпускников Московского физтеха) еще в начале века придумала, как обеспечить устойчивую сверхпроводимость при средних температурах. Наиболее важными последствиями этого чисто теоретического исследования стали необычайно емкие аккумуляторы и эти самые геотермалки. Небольшое усилие в области керамопластиков, немножко инженерной мысли – и готово. Берешь длинную-длинную трубу, вгоняешь ее в землю на километр-другой – и качаешь электрический ток. Не очень большой, но зато годами и без затрат. Буровые работы даже в те времена окупались за несколько месяцев. Казалось бы, вот она, дешевая, чистая и доступная для всех энергия. Ан нет!

Умные дяди из американских коридоров власти сказали:

«Низ-зя!»

Почему? Да потому что как раз к этому времени США закончили «демократизацию» арабского мира и взяли под контроль большую часть нефтяных месторождений планеты. И вдруг оказывается, что нефть из мощнейшего рычага правления мировой экономикой вот-вот станет всего лишь сырьем для химической промышленности, а миллиарды галлонов бензина, керосина и солярки, потребные для сотен миллионов двигателей внутреннего сгорания, больше никому не нужны, поскольку сами двигатели, с появлением основанных на сверхпроводимости практически «безразмерных» аккумуляторов, в одночасье стали экономически невыгодны.

Вашингтон развил бурную деятельность, в результате которой на геотермалки в США был наложен запрет «как на экологически сомнительный и опасный способ получения энергии». И всем прочим странам ставить геотермальные вышки категорически не рекомендовалось «в целях сохранения экологического баланса планеты». А нарушение «рекомендации» могло повлечь за собой «санкции». Поскольку «нарушение экологического баланса планеты затрагивает интересы США». Вот так вот!

Только Япония рискнула проигнорировать «рекомендацию». Теснимые Кореей и Китаем, лишенные собственных энергоносителей потомки самураев из всех сил пытались удержаться на плаву. В общем-то, у них не было выбора. Упали на то, что не станет Пентагон

бомбить Токио. Американская промышленность нуждалась в японской значительно больше, чем японская – в американской. Да и в самой промышленности США доля японских предприятий была не маленькая. И так, Япония поставила у себя вышки – и к две тысячи четырнадцатому году на Островах не осталось ни одного автомобиля с двигателем внутреннего сгорания. А цены на японские товары упали на двадцать процентов. Более того, Япония ухитрилась перекупить патент на геотермалки. Вот только лицензии на строительство вышек никто не покупал. Даже Китай. Нарушение запрета могло закончиться для нарушителя плачевно. Например, интервенцией и заменой правительства на «лояльных к интересам США» марионеток.

Так что еще неизвестно, кому была выгодней установка геотермальных вышек в России – самой России или Островам. Наверняка наши союзники надеялись подтолкнуть прочие страны к нарушению запрета.

И точно. Года не прошло, как их специалисты уже монтировали вышки в ЮАР. Следующими были панамцы. И дело пошло. Когда, пять лет спустя, в Долгопрудном была поставлена «юбилейная» миллионная вышка, геотермалки «росли» уже по всей Европе, не говоря уже об Азии. И с каждых десяти рублей дешевой геотермальной электроэнергии пара копеек падала на счет держателя патента, то бишь Японии. Все справедливо. Но Гриве всегда было немножко обидно: ведь главная идея принадлежала не японцам, а нашим физикам, сманенным заморскими богатыми дядями, потому что дома им было просто невозможно ни работать, ни зарабатывать.

Ладно, дело прошлое. Больше такого не будет.

Грива смотрел на мигающие огоньки, на вертушку-флюгерок... Глаза как-то сами собой закрылись, и Артём уснул.

Снилось ему тихоокеанское побережье, широченный Эл-Эйский пляж, уставленный длинными палатками из серебристой светоотражающей ткани. Точно такой, каким Артём видел его шесть лет назад, когда Хокусай привез стажера-полевика посмотреть собственными глазами, как выглядит «феномен спонтанной деструкции». Чтобы будущий офицер «Алладина» знал, за что будет сражаться.

Разрушения, нанесенные «ифритом», в том эпизоде были далеко не самыми страшными и квалифицировались специалистами как «последствия умеренной тяжести». И они могли быть еще меньшими, если бы власти Лос-Анджелеса и городов-сателлитов вовремя приняли меры и оповестили население. Разрыв «озонового экрана» – не какая уж страшная вещь. От опасного ультрафиолета защитит практически любая поверхность: тент, зонт, крыша машины, плотная ткань, даже стекло. Тем более что две из трех «дырок» пришлось на «безопасные» территории. Одна снова превратила в пустыню несколько десятков квадратных километров Невады, вторая вообще открылась над океаном, а вот третья «угодила» в Эл-Эй.

Если бы власти позаботились о том, чтобы вовремя убрать людей с пляжей... Но калифорнийские политики решили, что закрытие пляжей может повредить туристическому бизнесу, и ограничились «рекомендацией отдыхающим ограничить пребывание на солнце». Впоследствии политикам выдали по полной программе, но это вряд ли утешило десятки тысяч людей, получивших тяжелые поражения кожи, изуродованных, ослепших...

Медики из Международного комитета чрезвычайных ситуаций прилетели в Эл-Эй через час после прорыва экрана, а Хокусай с Гривой – утром следующего дня.

Специальный координатор с ходу включился в работу. Гриве выдали комбинезон из светоотражающей ткани, а самого его передали в распоряжение Службы Безопасности. Весь день Артём патрулировал пустынный пляж, следя, чтобы никакой идиот не отправился прогуляться под опасным солнышком.

Вот и сейчас, во сне, Грива шел вдоль набережной, мимо бесконечного песчаного пляжа, пестревшего разноцветным мусором: брошенными ковриками, одеждой, воздушными змеями

(убирать пляж было некому), мимо недавно вечнозеленых, а теперь желтых или вовсе сбросивших листву пальм, мимо ослепительно белых вилл... И вдруг увидел вдалеке, у самой кромки океана, человека в обычной одежде, даже без головного убора.

Грива закричал, но человек его не услышал. Тогда Артём сам побежал к нему, медленно, утопая в песке... Зацепился ногой за растяжку медицинской палатки и упал.

Когда Артём поднялся, человека у края прибоя больше не было. Грива завертел головой, высматривая его... И вдруг увидел совсем близко, у самого входа в палатку. Но человек почему-то в палатку не заходил, а наоборот, медленно брел прочь. Грива видел его голый, гладкий, ярко-красный, как сырое мясо, затылок...

– Стой! – крикнул Артём. – Вернись, дубина!

Но человек как будто не слышал. Артём догнал его, схватил за руку...

Человек медленно обернулся. Кожа на его лице сошла, висела лохмотьями.

«Его надо в госпиталь, срочно...» – мелькнула мысль. В этот день Артём видел сотни таких лиц. Таких, но не совсем. Два глаза обожженного были плотно зажмурены, но третий, темно-синий, блестящий, словно линза в стволе импульсника, глядел прямо на Артёма.

– Ты... Ты куда?... – растерянно пробормотал Грива.

Губы трехглазого приоткрылись, обнажив короткие острые клыки.

– Домой, – по-русски велел трехглазый. – Иди домой, новый человек. Скоро у тебя не будет дома...

Глава девятая

ИХ ВЫСОКОБЛАГОРОДИЕ ПОДПОЛКОВНИК ЖАНДАРМЕРИИ ИВАН НИКОЛАЕВИЧ СУЧКОВ

Артём Грива

Разбудил меня голос «домового», раздавшийся из окна мансарды. Спросонья я не сразу понял, о чем речь. В моих ушах... Нет, не в ушах – прямо в мозгу! – все еще звучали слова «трехглазого»: «Скоро у тебя не будет дома...»

– Еще раз! – велел я «домовому».

– Иван Николаевич Сучков, – послушно повторил «домовой». – Желаете говорить?

– Да! – воскликнул я. – Буду! Давай его на визуалку в гостиную!

Я пулей слетел вниз.

– Ванька!

– Здорово, алладиновец! – Квадратное лицо моего друга и однокашника выражало не меньшую радость, чем мое собственное. – Каким ветром в наши края?

– В отпуск. Ты на службе?

Серебряные подполковничьи погоны на черной форме императорской жандармерии смотрелись совсем неплохо. Когда виделись в последний раз, Сучков ходил в штаб-ротмистрах. Растет Ванюха!

– Как видишь. И завтра рано утром улетаю.

– Куда?

– У тебя линия защищена?

– Нет.

– Тогда погоди... – Сучков поколдовал с чем-то за пределами экрана. – Порядок.

– Что, так сурово? – спросил я.

– Не то чтобы очень, но береженого, сам знаешь... Короче, проклюнулась в Махачкале одна как бы суфийская секточка...

– Ну и пусть себе, – заметил я. – Это же Махачкала, а не Пермь. Зарегистрировались?

Я работал не в Департаменте территорий, а во Внешней разведке, но законы и Конституцию нам еще в Школе вбили намертво.

– Зарегистрировались. Все честь по чести.

– Тогда в чем дело?

– Растет уж больно быстро. За месяц – в двенадцать раз. От ста тридцати до полутора тысяч.

Я присвистнул:

– Подозреваете запрещенные практики?

– Вот именно.

– Так какие проблемы? – удивился я. – Взяли лидеров за загривки и вытряхнули информацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.